

ИЗГНАНИЕ В РАЙ

р о м а н

Отдых в роскошном
доме на морском
берегу превращается
для семьи в
настоящий кошмар.

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы
Изгнание в рай

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвиновы А.

Изгнание в рай / А. Литвиновы — «Эксмо», 2015

Особняк на морском берегу потрясающе красив и удобен. Технология «Умный дом» исполняет любое желание гостя! Именно его арендовал на лето Максим для своей любовницы Юны и их восьмилетней дочки. Снять роскошный особняк оказалось на удивление дешево. А о страшных слухах, что давно ходили о доме с видом на море, Максим предпочел умолчать. А еще он не предупредил Юну, что его жена сейчас готова на все, лишь бы отомстить разлучнице. Но странные смерти в шикарном особняке случались и раньше... Причем преступников не находили никогда! Не зря, видно, в маленьком городке ходит поверье: дом мстит всем, кто пытается в нем жить. Сможет ли Юна выяснить страшную разгадку прежде, чем гнев неведомого врага обрушится на нее саму?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвиновы А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

39

Анна и Сергей Литвиновы

Изгнание в рай

© Литвинов С. В., Литвинова А. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Жизнь у Ларисы рухнула в один миг.

Однажды вечером, когда женщина суежилась, подавая десерт, супруг вдруг заявил: их сыновья-близнецы едут учиться в Америку. Вопрос решен давно и бесповоротно, завтра нужно сдать паспорта на визы.

Мальчишки, ясное дело, взвыли от восторга.

Лариса взорвалась:

– С ума сошел? Им только по двенадцать!

Муж хлопнул по столу:

– А я тебе говорил, заставляй их *тут* английский учить. Сама виновата, не проследила. Она поникла под его насупленным взглядом и больше спорить не стала.

Сборы, хлопоты пронеслись очень быстро, мальчишки отбыли в Калифорнию, дом опустел.

И вот впервые за долгое время за большим семейным столом они остались с мужем вдвоем. Макс, как всегда, косил взглядом в планшет.

Лариса задумчиво произнесла:

– Улетели наши птенцы...

– Ага, – буркнул муж.

– Может, нам с тобой второй медовый месяц устроить? – улыбнулась она.

На лице у Макса отразился неприкрытый ужас:

– Лара, о чем ты?! У меня годовой отчет, собрание акционеров на носу.

Отодвинув тарелку с едва тронутым ужином, муж убежал в кабинет. Будто она не жена ему, а лютый враг.

И что теперь? Менять стрижку, подкачивать попу? Покупать кружевной халатик и танцевать для супруга стриптиз?

Лариса была готова. Но когда-то она училась математике. И решила прежде *просчитать* – ждет ли ее начинание успех.

На следующий день утром Максим заявил:

– У меня сегодня переговоры, буду поздно.

– Хорошо, – кивнула она.

Однако ровно в восемнадцать ноль-ноль подъехала к его офису.

Настроилась, что ждать придется долго – но с удивлением увидела: муж покидает службу строго по КЗоТу. Да еще и в руках несет не привычный портфель, но букет лилий, весьма внушительный.

Мелькнула слабая надежда: вдруг цветы предназначены ей?

Ага, с чего бы – если даже с днем рождения поздравить забыл?! И сейчас повернул он от офиса – совсем в другую сторону от дома.

Лариса, особо не маскируясь, последовала за ним. В столичных пробках что мужнина скоростная «Ауди», что ее неповоротливый «Форд-Куга» – все едино.

Ехать пришлось недолго – у Государственной думы муж резко перестроился влево и юркнул под шлагбаум парковки Большого театра. Лариса ринулась за ним, подрезала туристский

автобус, разогнала клаксоном пешеходов. Пока искала, куда встать, муж испарился – она прибежала к пустой машине. Женщина продолжала надеяться: у Макса переговоры где-то в расположенном неподалеку ресторане, а транспорт просто больше поставить было негде. Но все равно: побежала она – в толпу, что волновалась, встречалась, перезванивалась на ступенях главного театра страны.

Народу перед вечерним спектаклем здесь собралось масса, но мужа Лариса увидела сразу. Рядом с ним стояла молодая светлокудрая женщина. В руках она держала тот самый букет лилий. А муж – *ее муж!* – подкидывал в воздух девчушку лет семи. Причем похож ребенок был на него как две капли воды: те же светло-зеленые глаза, вздернутый носик, волевой подбородок.

Лариса застыла.

– Лишние билетки, места хорошие, недорого, берем? – подхватил ее за локоток перекупщик.

Она молча стряхнула его руку.

– Вот деревня! – неодобрительно буркнул дядька.

А муж – ее любимый, ее центр вселенной, ее все – тем временем взял под руку свою светлокудрую спутницу (его дочка весело прыгала рядом) и придержал перед дамами тяжелую дверь главного входа.

А Лариса, забыв про свой автомобиль, кинулась бежать. Мимо нового здания Большого театра, по Дмитровке, прочь, прочь. Дороги она не разбирала – слезы лились потоком.

Вот, значит, как! Молодая любовница, дочь, Большой театр! Предатель!

И что теперь делать? Уезжать в Америку к сыновьям? Нужна она там им! Требовать развода – и совсем окончательно остаться одной? Да Макс и не из тех, кто с одним чемоданчиком уходит, скорее он ее оставит без гроша. У человека серьезный бизнес, толпа юристов. А она – немолодая, без профессии, без связей, без доходов домашняя хозяйка. Умеет печь пироги и немного разбирается, спасибо сыновьям, в компьютерах. Негусто.

Лариса наконец остановилась. Осмотрелась. Ого, целый кросс пробежала: она уже на Пушкинской, бронзовый поэт взирает свысока, с насмешечкой. Слезы высохли. Решение – пришло само собой.

Пусть она ноль без палочки – но сдаваться нельзя.

Нужно бороться за Макса.

Всеми возможными способами.

* * *

Мне уже тридцать лет, а Максим до сих пор зовет меня Юночкой. А также солнышком, птенчиком, котенком и деткой. Иногда, конечно, приятно – благодарно помурлыкать, уткнуться уютно носом в мужское надежное плечо. Но в последнее время все чаще я злилась. Если сравнивать с его дородной, глубоко за сорок, супругой – я, конечно, птенчик. Но объективно – давно не малышка. Лоб прочертила первая морщина. Дочка пошла во второй класс. И на работе называют исключительно Юнной Михайловной.

А за спиной наверняка злословят, что вся моя успешная карьера – только благодаря грамотно выбранному любовнику.

Хотя это неправда. Я не выбирала Максима Петровича. Я просто в него влюбилась.

Мне было восемнадцать. Ровесники – бестолковые, безденежные, с громадьем глупых планов – раздражали безмерно. А тут встретился состоявшийся, уверенный в себе, импозантный мужчина.

Он стал моим *первым*. И до сих пор остается единственным. Подружки смеются: «Ладно бы мужу верность хранила, а то – любовнику!»

Но Максим мне, правда, оказался и отцом, и другом, и учителем. Разумеется, уверял – а я искренне надеялась, – что разведется.

Но нашей с ним *гипотетической* семейной жизни все время что-то мешало.

Сначала Максим взывал к моему состраданию. У него с законной женой – близнецы. Когда мы познакомились, им всего по два года было. Недоношенные, слабенькие, гипервозбудимые. Если отец уйдет, будет ужасная травма. Я терпеливо ждала. Даже сочувствовала, когда Макс приходил ко мне с синяками под глазами, – потому что дети болели отитом и всю ночь рыдали, не давали спать.

Но теперь близнецы выросли в здоровенных кабанов, учились за границей, а Максим по-прежнему не звал меня замуж. А я теперь и не настаивала.

Я реально *хотела* замуж за Макса – десять лет назад. Пять. Даже три. Но сейчас все. Перегорела. Устала от него.

Да и ровесники – *подросли*.

Я наконец стала видеть не одного только его, но и других мужчин. И насколько приятнее оказывалось смотреть на молодых, спортивных, приятно наглых, с горящими глазами самцов. Что за контраст с моим поношенным, усталым, рыхловатым Максимушкой!

Я не решилась разрубать износившуюся ткань наших отношений одним безжалостным махом. Просто начала потихоньку отдаляться от Макса. Однако любимый мой – чутье у него, как у всех успешных бизнесменов, исключительное – сразу занервничал. Взялся нас с дочкой баловать с утроенной энергией. Водил в театры (Маришка обожала балет), дарил ей игрушки, мне – цветы. Попытался всучить бриллиант – я отказалась. Он беспокоился еще больше, и я честно сказала: нам нужно серьезно поговорить.

Договорились встретиться на следующий день тет-а-тет – когда дочка будет в школе танцев.

Но судьба вновь надо мной посмеялась.

Накануне решительного разговора моя Маришка вдруг страшно побледнела. Упала в кресло. И начала дико, безостановочно кашлять.

Я вызвала «Скорую». Врачи ошеломили: приступ астмы. Абсолютно неожиданно, на фоне полного, как потом написали в медицинской карте, здоровья.

Дочку хотели сразу забрать в больницу: «Корпоративной страховки у вас, конечно, нет? Тогда в обычную. Нет-нет, вас с ребенком туда не положат, там и так по десять детей в палате...»

Что оставалось делать растерянной матери? Конечно, я позвонила Максиму. Он, надо отдать ему должное, примчался мгновенно. И проблемам моим отдался самозабвенно, почти с радостью. За удивительное умение в сложный момент всегда приходить на помощь я и полюбила его когда-то. Очень быстро нашлась хорошая клиника с отдельной палатой для нас обеих, и личный врач появился – опытный старичок профессор. И перспективы: что болезнь вовсе даже не приговор. При грамотной терапии, постоянном наблюдении может вообще бесследно пройти.

– Но, мамочка, готовьтесь: ближайший год никакой работы, вам придется полностью себя дочери посвятить. Найдете такую возможность?

Я, как и любая нормальная мать на моем месте, не колебалась ни секунды. Но вздохнула тяжело:

– Я так понимаю, что выбора у меня нет.

И, под одобрительным взглядом пожилого врача, тоскливо подумала, что на службе, безусловно, будут рады выбить из седла меня, молодую выскочку. А копить на черный день я никогда не умела.

Значит, снова придется брать у Максима... Что за никчемная, неладная у меня получается жизнь!

А любимый – чувствовал, чувствовал он, что я готова сорваться с крючка, – начал крыльшками над нами хлопать – любо-дорого. Чуть ли даже не рад, что я снова, как двенадцать лет назад, растеряна и беспомощна. Дорогие лекарства, ингаляторы, черная икра, несуразную огромную куклу Маришке приволок, хотя дочка еще год назад торжественно объявила, что она стала большая и детские игрушки ей не нужны.

Я не удержалась, съязвила:

– Ты бы еще сосочку ей купил. Или подгузники.

Но Маришка взглянула на меня сердито. И благодарно прижала подарок к груди.

Максим победоносно подхватил дочку на руки. Зашептал ей на ушко – достаточно громко, чтобы я тоже слышала:

– А чего ты стесняешься, моя зайнышка? Даже совсем большим девочкам иногда полезно поиграть в куклы.

Перевел взгляд на меня, улыбнулся лукаво:

– И пожить в королевских теремах!

– Чего-чего? – опешила я.

– Ну, доктор ведь сказал: нужно срочно в теплый климат. Я этот вопрос решил.

Опустил Маришку на пол, присел перед ней на корточки:

– Я нашел для вас с мамой настоящий дворец. На высокой скале, на крутом берегу. Море, золотой песок, соленый воздух, тишина, фрукты. Ты поправишься там в мгновение ока!

– И где это райское место? – спросила я.

– В Болгарии.

Маришка мигом сморщила носик:

– Ну, папа, тогда ты врешь! В Болгарии дворцов ни одного нет. И в море сплошные водоросли. Мне подружка рассказывала.

Максим улыбнулся слегка надменно:

– Твоя подружка, наверное, по путевке в санаторий ездила. В трехзвездочный. На Золотые Пески или на Солнечный Берег. А вы будете жить в собственном доме. Уникальном. Сказочном. Вот, я фотографии принес.

И эффектным веером выложил карточки.

Я взяла одну, и в первый миг мне показалось: это не дом – корабль, почему-то вдруг бросивший якорь на скале. Три палубы, верхняя вся стеклянная. Крыша увенчана мачтами, на одной из них развевается флаг. А внизу пенится море.

Максим наслаждался моим изумлением, комментировал:

– Между прочим, домик входит в сотню самых интересных архитектурных сооружений мира...

Я взглянула недоверчиво:

– И ты его купил?

Макс слегка смутился:

– Э... нет. Пока только снял. Но на все лето! Условия там шикарные. Собственный пляж. И сад есть, и бассейн – если вдруг в море шторм.

Я продолжала рассматривать фотографии. Да, дом красивый, конечно, но зачем нам такой огромный?

Маришка тоже критически сморщила носик, проворчала:

– А мама ведь сама там убирать не будет, меня заставит.

(Отомстила за то, что вчера я попросила ее вымыть после ужина посуду.)

Однако Макс с торжеством в голосе произнес:

– Мелко плаваете, милые дамы! Убирать вам вообще не придется.

– Нет, – покачала я головой. – Уборщицу я брать не стану. Ты прекрасно знаешь, что я не люблю...

– Не волнуйся, уборщица вам не понадобится, – перебил Макс. – Потому что дом это не простой, а *умный*. Слышали про такую технологию?

– Он умеет говорить? – хихикнула Маришка.

– Говорить, наверно, нет, но все остальное – может, – воодушевленно отозвался Максим. – Вы только кнопочки нажимаете. А дом сам себя убирает, проветривает, варит кофе... Вот рекламный проспект.

– А счастливыми нас сделать он сможет? – усмехнулась я.

Макс не сомневался ни секунды:

– Конечно!

* * *

Доктор наше решение уехать в Болгарию на все лето горячо одобрил.

Макс окончательно вошел в роль доброго волшебника и купил нам с дочерью билеты бизнес-класса.

Маришка с удовольствием раскинулась в кожаном кресле, чуть надменным голоском попросила у стюардессы воды, обязательно с долькой лимона, а мне радостно улыбнулась:

– Мамуль, мы с тобой теперь будем жить как принцессы, да?

Однако, когда самолет приземлился в Бургасе, дочкин оптимизм резко пошел на убыль. Она, похоже, настроилась, что сказка продолжится и дальше. Что в аэропорту нас будет ждать лимузин и предупредительный шофер в белых перчатках. Но встретил нас хмурый парень на стареньком «Ситроене». Когда Маришка начала закидывать его миллионом вопросов, буркнул, что он просто шофер и по-русски говорит плохо.

Дорога к дому оказалась узкой, ухабистой, и чем дальше мы удалялись от города, тем хуже она становилась. Да и селения, что мелькали то слева, то справа, выглядели все меньше, все беднее.

Дочка опасливо покосилась на водителя, склонилась к моему уху:

– Может, он людоед? Сейчас завезет нас в какую-нибудь жуткую пещеру...

И тут, словно по заказу, мы свернули на грунтовку. Шофер сбавил скорость, но клубы пыли все равно окутали машину со всех сторон.

Маришка сразу закашлялась, я вытащила из сумки ингалятор, крикнула водителю:

– Закройте окна!

– Они... как это... мануальные. Ручка там, у вас!

Я начала лихорадочно поднимать стекло – сначала со стороны дочери.

И вдруг увидела перед своим окном заросшее густой бородой, страшное лицо. Маришка отчаянно взвизгнула.

А очень смуглый, с недобрыми глазами человек постучал по медленно плетущейся нашей машине длинным кривым ногтем. Показал куда-то вдаль и зловещим голосом молвил:

– Там смэрта. Смэрта.

Водитель остановился. Открыл свое окно, что-то яростно затараторил по-болгарски – видимо, пытался отогнать дядьку.

Но тот вцепился в наш автомобильчик обеими руками и продолжал повторять:

– Смэрта, террор, ужас. Там.

Я наконец закрыла свое окно. Дочка кашляла и всхлипывала одновременно. Водитель осторожно тронул машину, но мужик продолжал за нее цепляться и потому на ногах не устоял – упал в пыль.

– Что вы делаете? – накинулась я на шофера.

Но тот только пожал плечами:

– Цыганин. Ром. Умопомрачен. Не се притеснявайте.

– Чего?

– Ну, не волнава... не волнуйтесь. Он дурак!

Парень улыбнулся, прибавил скорость. А через минуту, словно ниоткуда, из пыли и неуют перед нами выросли изящные кованые ворота.

– Къщата на мечтите. Э-э... дом мечты, – представил шофер.

Врата величественно, неспешно растворились.

Окруженный пальмами, перед нами высился дом-корабль. Вблизи он оказался еще эффектнее, чем на фото. Ничего в нем не было от жилища, *коробки*. Казалось, сейчас подует ветер чуть посильнее и фрегат мягко спланирует со скалы, отправится в плавание.

Паруса на крыше хлопали. Отчаянно горланили чайки. Совсем близко рокотало море.

Маришка радостно взвизгнула.

А мое сердце неожиданно сковало льдом.

Показалось: корабль уже *сдвинулся*. Но уплывает не в море – его несет, всей многотонной тушей, прямо на меня. На нас с дочерью.

Я инстинктивно отступила.

– Мам, ты чего? – хихикнула Маришка.

И пулей бросилась в свои новые владения.

* * *

– Мамуль, это правда сказка! Нет, компьютерная игра!

Моя дочь пребывала в полном восторге. Командовала серьезным голоском:

– Открыть шторы!

И заливалась счастливым смехом, когда портьеры послушно ползли вверх.

Я, чего скрывать, в умном доме слегка растерялась – огромное количество возможностей, датчиков и пультов подавляло.

Однако вот разница между поколениями. Я и коснуться непонятных гаджетов боялась, а моя юница возбужденно бегала по всему дому, изучала, являлась с очередными докладами:

– Мам, смотри: шланг в стене. Как думаешь, для чего?

– Пожарный?

– Ох, мамуля, ну, ты дикая! Смотри.

Дочка вытащила из кармана жвачку, швырнула в рот. Обертку бросила на пол. Подмигнула мне:

– Смотри, что сейчас будет.

И смело нажала на кнопку в стене, под шлангом. Тот мгновенно ожил. Сам размотался. Вытянулся, приятно мурлыкая, к мусору. И бумажка мгновенно исчезла в разверстой пасти.

– Ничего себе! – ахнула я.

А дочка с удовольствием объясняла:

– Это, типа, встроенный пылесос. В каждой комнате такой. А мусоросборник в подвале стоит. Классно! Хочу, хочу, хочу!

– Знаешь, сколько это все стоит? – вздохнула я.

Жаль, что я взрослый человек. Не умею радоваться столь безоглядно, как моя Маришка. Вместо того чтобы видеть плюсы, начинаю минусы искать. И легко их нахожу.

Мой покровитель Максим Петрович, когда снимал чудо-дом, хотел меня поразить. Но пока – лишь разозлил. Тем, что продемонстрировал – в очередной раз! – чем отличаются его возможности от моих. Насколько мне, песчинке, будет невыгодно потерять его – глыбу.

И еще проклятый цыган взволновал. Понятно, человек блаженный, такие везде встречаются, но всегда неприятно начинать отдых, когда тебе только что смерть напроорочили.

Да и сам Дом мечты – пусть красив, необычен, изящен – *грустным* каким-то был.

Мне казалось: подобное чудо не строят для чужих людей. Кто-то, мне неведомый, возводил его для себя. Для собственной счастливой, комфортной жизни. Которая почему-то не состоялась.

Одна гостиная на третьем этаже – «верхней палубе» – чего стоила! Ничего подобного я прежде не видывала – ни в жизни, ни в кино, ни в самых сказочных снах.

Огромное панорамное окно. Стекланный потолок. Теплый и шершавый, будто морской песок, пол. И поразительное ощущение, что ты летишь, паришь над многоликим, бескрайним морем. Или стоишь на капитанском мостике. Но при этом вокруг множество полезных и приятнейших мелочей. Кресло сразу принимает форму твоего тела, кружка для пива всегда будет ледяной, диспенсер услужливо подаст лед. Все новенькое, чистенькое, дорогое.

«Я бы никогда не стала сдавать такой замечательный дом», – вновь подумала я.

От него избавились, потому что здесь случилось – «смэрта, террор, ужас»?

Меня пробрала дрожь.

А что, очень логичная версия.

Мой Максим Петрович никогда не упустит возможности сэкономить. И когда провожал нас, признался честно: «Аренда мне недорого обошлась».

Хотя я бы за столь изумительное место заломила огромные деньги.

Значит, дом явно нехороший. А мы тут вдвоем с маленькой дочкой – без мужчины, без защиты...

Характер у меня мнительный, и если начинаю себя накручивать, то впасть очень быстро могу в мрачность мрачайшую. Спасибо Маришке, любимой доченьке, – пусть кроха, а научилась быть маминым психотерапевтом. Чем грустнее мое лицо – тем активнее обнимает, тормошит, веселит.

Вот и сейчас – прибежала в гостиную, глазенки огромные, восхищенные:

– Мам, пойдем покажу, что я в детской комнате нашла! Доска для рисования – с головным управлением, ты только представь! Приказываешь: «красный» – выпрыгивает красный мелок. Говоришь: «стереть!» – все исчезает. Вообще фантастика!

И тянет за руку.

Я с умилением взглянула в раскрасневшееся дочкино личико и уже готова была выкинуть из головы все тревоги, помчаться резво, будто сама девчонка, за ней. Но только слишком запыхалась Маришка после своей радостной речи. Дышит с присвистом, глаза подозрительно блестят. Не кончилось бы дело приступом!

Я почувствовала раскаяние. Уже поздний вечер, мы с раннего утра в дороге, кругом сквозняки, пыль – одна поездка по грунтовой дороге чего стоила! Маришке давно пора принять лекарство и отдохнуть, а она вместо этого скачет по всему дому, собирает новые аллергены.

– Все, моя милая, – строго молвила я. – Никакого больше рисования. Пошли спать.

– Ну мам, чего ты такая нудная? – возмутилась дочь. – Я еще и половины не посмотрела!

Маришка изо всех сил старалась говорить уверенно, быстро, но я-то вижу: дыхание все сильнее сбивается. И голову чуть наклоняет – ей так всегда легче, когда кашель подступает.

– Маришка, быстро села! – приказала я. – Я бегу за лекарством!

Но принести не успела. Дочка раскашлялась – тяжело, с надрывом.

Ну я мать, ну ехидна! То морем любуюсь, то страхи себе придумываю. А реальную проблему – приступ астмы – прощелкала.

Я кинулась за ингалятором. Потом отнесла мою принцессу в спальню. Соорудила в постели трон из подушек, помогла дочери сесть. Маришка, несчастная, сразу сдвываясь, вцепилась в мою руку, слабым голосом попросила:

– Мамочка, мне так душно. Можно окно открыть?

Я распахнула балконную дверь. В комнату ворвался теплый соленый воздух.

Дочь глубоко вдохнула. Пробормотала:

– Надеюсь, мы не сломаем климат-контроль. Когда он работает, открывать ничего нельзя.
– Да плевать на него! – непедагогично отозвалась я.

– Мама, ты мне тысячу раз говорила, что слово «плевать» нехорошее, – слабым голосом укорила Маришка. И попросила: – Спой нашу песенку любимую.

И сама начала:

– Ах, попалась птичка, стой. Не уйдешь из сети...

– Не расстанемся с тобой ни за что на свете, – подхватила я.

Шум прибора и крики чаек звучали словно аккомпанемент. А еще – или мне показалось – в комнате ощутимо запахло озоном. Хотя никакой грозы не было и в помине, небо чистое. В чудо-доме, что ли, имеется озонатор, столь полезный астматикам? Да вряд ли. Имейся тут подобное чудо, Максим бы не преминул похвастаться собственной заботливостью.

Однако приступ у Маришки прошел на удивление быстро.

Смогла улечься горизонтально, дышала спокойно – будто после кислородной маски. Улыбнулась мне, закрыла глаза. Песенку про птичку в золоченой клетке я допела сама. К концу последнего куплета дочка сладко посапывала.

Но, когда я встала с краешка ее постели, Маришка пробормотала совсем сонным голосом:

– Мамуль, ты только мою куклу спать уложи, а то я забыла.

– Хорошо, милая, конечно, – прошептала я.

Обернулась в поисках игрушки.

Но тут на первом этаже затрезвонил звонок, и я поспешно вышла из дочкиной спальни.

* * *

Спрашивать «Кто там?» необходимости не было. На мониторах, размещенных в прихожей, я видела и лицо гостя, и его машину. На отдельном экране крупным планом красовался бейджик с его пиджака. Другой электронный агрегат услужливо выдавал справку, что зовут посетителя Манол Тодоров, он работает в службе сервиса и в доме неоднократно бывал.

Но все равно дверь я открыла с опаской. Как-то вдруг особенно остро почувствовала себя беззащитной – в чужом доме, в чужой стране.

Манол приветствовал меня широчайшей улыбкой. Приложил руки к сердцу, склонился в шутливом поклоне, молвил на неплохом русском:

– Поздравляю вас, прекрасная леди!

– С чем? – удивилась я.

– Вы смогли успешно отпереть замок. А предыдущая дама, что жила здесь, вместо этого включила систему полива. Она ударила прямо в меня, и я стал весь мокрый.

Манол поманил меня к пульту управления, показал на одну из клавиш:

– Показываю сразу. Вот та сама кнопка. Но нажимать ее не надо. Система полива сама анализирует погоду, сухость почвы и решает, когда и с каким напором ей работать. И вообще, – улыбнулся заговорщицки, – лучше поменьше трогайте все эти штучки. Хозяин бывший тут всего столько наворотил – я, признаться, и сам половины не понимаю.

Я с интересом спросила:

– А кем он был, этот хозяин?

– Да тоже ваш, русский. – В голосе Манола еле заметной перчинкой прозвучало неодобрение. – Я лично с ним не знаком, но говорят, какой-то компьютерный гений. Изобретатель. Построил не просто «умный дом», а, я бы сказал, дом странный. Ну ладно, самозастилающаяся постель – это атрибут для данной технологии известный. А сканер настроения в спальне видели?

– Чего-чего? – опешила я.

– В тумбочку у кровати встроено специальное стеклышко. Анализирует цвет радужной оболочки глаза, по нему определяет настроение. И музыку включает соответствующую: марш, или оперу, или романтическое что-нибудь.

Я хмыкнула:

– Оригинальная идея.

– И подобных штучек здесь миллион, – обнадежил болгарин.

– А почему этот изобретатель сам в своем чудо-доме не живет?

И снова в голосе Манолы задрожало осуждение – интеллигентное, тончайшими струнами:

– А вы не догадываетесь? Он ведь из России. А у вас как? Сегодня человек миллиардер, на «Бентли» ездит, денег полные карманы. А завтра – уже в тюрьме, имущество с молотка. Посадили хозяина. Жаль. Хороший был мужик. Набережную грозился плиткой вымостить, – болгарин досадливо поморщился. – А сам, вон, даже дорогу к дому достроить не успел.

Впрочем, ни грана сочувствия я в его голосе не услышала. А сама вдруг представила – ярко, живо, остро – неведомого мне мужчину. Где-то в Сибири, в зловонии барака, окно пере-черкивает решетка. А он вспоминает свою сплошь стеклянную, словно капитанская рубка, гостиную. Мягкие кресла. Запах моря. Собственный, огороженный пляж.

– Как его звали? – тихо спросила я.

– Понятия не имею, – фыркнул Манол. – Дом продали с торгов полтора года назад. Я тогда еще в колледже учился.

– А кто им владеет сейчас?

– Юридическое лицо. Болгарская компания.

– Узнайте для меня, пожалуйста, как звали прежнего владельца.

Парень поморщился:

– Во-первых, такие данные не разглашаются. А во-вторых, я должен вам объяснять, как оборудование работает, а вместо этого посторонние разговоры веду. Давайте перейдем к делу. Начнем с программы «Утро»...

...И через пятнадцать минут от громадьи возможностей у меня голова просто кипела. А еще возникло стойкое ощущение, что «умный дом» гораздо умнее меня самой. И хитромудрые механизмы запросто могут взбунтоваться, когда ими начну управлять я, в технике – полный ноль. Восстание машин, серия вторая. Больше похожая на комедию.

Манол снисходительно взглянул в мое испуганное лицо:

– Да не волнуйтесь вы так. Все ведь для вашего блага придумано. Чтобы ничем не утруждаться, а только кнопки нажимать.

– Ага, вы рассказывали. Когда вместо того, чтобы двери открылись, система полива включилась.

– А вы не жмите куда попало. А если совсем в себе не уверены, просто не используйте гаджеты. Свет всегда сам зажжется, тут датчики движения стоят. Климат-контроль тоже автономно работает.

– А озонатора здесь, случайно, нет? – вспомнила я.

– Озонатора? Это еще что такое? – удивился Манол.

– Прибор медицинский, очень полезный. Насыщает ионами озона воздух, воду, фрукты.

– Ох, да я сам до конца не знаю, что в этом доме есть, – проворчал парень. – Но давайте на компьютере посмотрим.

Мы подошли к мониторам, Манол набрал команду «Поиск». Удивленно произнес:

– Фигасе, как у вас в России говорят! Оказывается, имеется и озонатор. Давайте тогда посмотрим, как включать. Вот, сначала открываем главное меню, дальше директория «Атмосфера», потом выбираете из списка комнат нужную и кликаете на «Озон».

– Понятно, – растерянно протянула я. – А он сам заработать не мог?

– Что значит – сам? – уставился на меня Манол.

– Ну, мне сегодня показалось, вроде озоном пахло. Очень ощутимо.

– Нет, – уверенно помотал головой болгарин. – Такие вещи сами по себе не включаются. «Умный дом» потому и умный, что все под контролем хозяев. – Хитро улыбнулся, подмигнул: – Но если у вас с контролем возникнут проблемы – я всегда к вашим услугам. Звоните в любое время. Хоть ночью. Приеду, все исправлю.

– Вы сейчас как представитель компании говорите? Или просто по-человечески? – слегка растерялась я.

Манол встал на шагок поближе. Окинул меня плотоядным взглядом, сладким голосом молвил:

– Красивая женщина остается одна в большом доме...

Взором своим кареглазым, жгучим обволакивает, подступает все нахальнее.

– Вдруг вам будет страшно? Одиноко?

Я шарахнулась. Мальчик немецких фильмов, что ли, насмотрелся? Или, может, его Максим Петрович попросил? Мои моральные устои проверить?

– На шаг назад отойди! – рявкнула я.

Парень обиженно отпрянул, буркнул:

– Смотрите. Без защиты вам будет плохо.

– Если мне понадобится защита, я позвоню в полицию, – как можно суше кивнула я.

Выпроводила сервисмена за дверь и сразу, как он учил, поставила дом на сигнализацию. Теперь я могу даже пиратской атаки не бояться. Умная система сама распознает, кто проник на участок – человек или зверь. А дальше – целый комплекс мер: от яркого освещения и сирены до удара по прищельцу током. И конечно, немедленный вызов правоохранительных органов.

Я заглянула в комнату к дочке – та сладко спала. Потом поднялась в свою *уже любимую* гостиную-рубку, плюхнулась в кресло, включила световой режим «поздний вечер». Яркое освещение комнаты мгновенно сменилось на пару уютно мерцающих ламп. Зато внизу, на полоске пляжа, ярко вспыхнули фонари. Осветили бурливую пену прибоя, торжественные громады скал, бесконечную перспективу воды. Вдруг засиял прожектор, выхватил на песке пляжа темное пятнышко. *Объект* мгновенно бросился к воде, а я – к подозрительной трубе, что стояла у окна. Та оказалась уже настроенной, и мне в глаза уставился своими злыми бусинами огромный, сердитый краб.

Мой бог, я все больше и больше *люблю* того, кто это построил!

Хотя к восторгам отчетливо примешивались опасения.

Мне все больше и больше казалось: из дома, *возможно*, придется спасаться бегством. Причем поспешно.

А как?

До города – шесть километров. Соседей нет. Где-то поблизости бродит сумасшедший цыган. Да еще Манол со своими ужимками «немецкого сантехника». Лишний раз к такому точно не обратишься.

– Домик, умница мой, давай мы с тобой сами будем дружить, а? – вслух произнесла я. – Обещаю, обижать тебя я не стану.

Голос в почти пустой комнате прозвучал гулко, странно.

А потом за моей спиной раздался нежный звон.

Я вздрогнула, вскочила со своей лежанки. Шкафчик бара подмигивал ярко-синим. На дисплее, украшавшем дверцу (днем я его и не заметила), светилась надпись: «Лед готов». А в выдвижной подставке уже красовался хрустальный бокал.

Я нервно произнесла:

– Слушай, дорогой дом... получается, мне и мужчина не нужен? Ты сам обо мне позаботишься?

И поняла, что *жду ответа*. Ф-фу, наваждение! Фыркнула, взяла бокал. Но мысли свои продолжала озвучивать:

– Ты предлагаешь именно этот бокал. А чего мне в него налить? Где бутылка?

Дом молчал.

– Хорошо, – я продолжала валять дурака. – Попробую догадаться сама. Сейчас вечер, наверно, время коктейля? О'кей, милый дом. Лед ты мне уже дал. Теперь дай, пожалуйста, кампари и апельсиновый сок.

И немедленно – как в торговом автомате – из шкафчика выдвинулись два лотка. В одном стояла бутылка ликера. В другом, поменьше, красовалась яркая пачка сока.

Я присвистнула от удивления. Пробормотала:

– Странно, что ты коктейли *сам* не делаешь.

Но техника, даже умей она, – смешала бы напиток по науке: кампари на полпальца, вкуса под соком и не почувствуешь. А я – по-русски – набухала ликера полстакана. Выпила махом, переключила свет в режим «ночники» и ушла спать.

И снился мне – вот смех! – симпатичный мужчина с грустными и доверчивыми глазами. Он протягивал мне бархатную коробочку. Открытую. В ней – не кольцо, не бриллиант. Просто ключ. И слова в ушах звучали: «Я построил для тебя дом, Юна. Давай жить здесь вместе! Втроем. С *нашей* дочкой».

* * *

Я проснулась в приятной прохладе и кромешной тьме. Однако, едва привсталась на постели – с тумбочки подмигнули часы: десять тридцать две. Ничего себе, разоспалась! Я схватила пульт, вдавила кнопку «утро», и комната (именно вся, целиком!) сразу пришла в движение. Раздвигались портьеры, приоткрывалось окно, к шуму прибоя сразу же примешался негромкий Штраус. Под его марш я бодренько спустила ноги с постели – пол, конечно, был уже теплым. Услужливо приотворенную дверь ванной комнаты проигнорировала – побежала к Маришке. По пути нещадно себя ругала. Хороша я мамаша! У дочери вчера приступ был, а я к ней ночью ни разу даже не заглянула.

Но, к счастью, выглядела малютка прекрасно. Увидела меня, бросилась обниматься, сразу затараторила:

– Мамулечка, ну сколько можно спать! Я хочу по саду погулять, хочу на море и даже каши уже хочу!

– Ну, пойдем тогда, – улыбнулась я, – будем договариваться с кухонными роботами.

– Ой, мам, здесь такие классные роботы! – В глазах дочери сиял искренний восторг. – Утром мне, знаешь, какую музыку поставили? Нашу с тобой любимую. «Ах, попалась птичка, стой!»

– Да ты что? – ахнула я.

– Честное-пречестное!

Вот странно. Про птичку мне в собственном детстве пела старенькая прабабушка. Как я уже потом, после смерти старушки, узнала, написана песня была в 1864 году литератором Порецким и после Октябрьской революции забыта. По крайней мере, я ни разу ее не слышала – ни по телевизору, ни по радио. Ретропластинки, наверно, остались – но откуда им взяться здесь, на глухом болгарском побережье? Хотя о чем я, какие пластинки?! Тут, в доме, за все компьютеры отвечают. Но неужели они настолько умны, что вчера «услышали» композицию, сами отыскивали ее в Интернете, а утром включили?!

– Маришка, – честно призналась я дочери, – я себя чувствую здесь муравьем. Беспомощным и очень маленьким.

– Да ну, мам! Ты просто слишком взрослая и не умеешь жить в сказках, – пригвоздила дочь. – Даже забыла, какими они бывают.

Схватила за руку, потащила за собой:

– Ты хотя бы видела, какие у моей куклы апартаменты?

– У куклы?!

– По-моему, даже круче, чем у нас.

Привела в свою комнату, продемонстрировала:

– Вот. Пока Луиза еще спит – там, где ты ее уложила. Но скоро встанет, пойдет завтракать, потом подбирать наряды, делать макияж...

Я в изумлении разглядывала огороженный пластиковой изгородью загончик. Вчера я его не заметила – рассмотрела только сейчас.

Действительно, целая квартира – только в миниатюре. Кроватка, диван, кухонька. Дочка любимица Луиза лежит в постели и заботливо укрыта одеялом.

– Но туфельки ты с нее не сняла, – с упреком взглянула на меня Маришка. – Пришлось моей бедной девочке в обуви спать, как какому-то алкоголику.

– Но... – начала я и мгновенно осеклась.

Я совершенно точно помнила, что *собиралась* уложить Луизу спать. Но в этот момент в дверь позвонили, и я бросилась открывать. Встретила Манолу, выслушала его лекцию. Потом смотрела на море из рубки-гостиной, дальше – выпила кампари и рухнула в постель. А про куклу просто забыла.

Может быть, Маришка уложила Луизу сама? У дочки иногда бывает – не лунатизм, конечно, но делает что-то в полусне, а потом забывает. Или опять чудо-дом постарался? Некий *робот* взял куклу со стула и перенес в игрушечную постель? Как-то немного зловеще. И слишком фантастично. Или это не робот, а человек? Который преодолел все препоны сигнализаций и проник внутрь? А может – мне стало совсем страшно, – этот человек *все время* здесь, в доме? Наблюдает за нами, слушает разговоры?!

– Мам! Ты чего вдруг зеленая стала? – забеспокоилась Маришка.

И я, конечно, не стала пугать ребенка. Беспечно пожала плечами:

– Просто кофе давно не пила. Пошли, пошли скорее завтракать!

* * *

После завтрака Маришка попросила полчаса – поиграть в своем потрясающем кукольном царстве.

А я вышла во двор.

Здесь, конечно, тоже имелись датчики движения: едва я спустилась с крыльца, заработал фонтан. Сами собой раскрылись полотняные зонтики над лавочками. Крыша над бассейном начала подниматься.

Я вновь ахнула от восторга. И велела невидимому хозяину:

– Еще, пожалуйста, включите птиц. И чтобы цветы пахли.

Но, конечно, никаких райских колибри не увидела – только чайки волновались, галдели.

Я наклонилась, понюхала розу. Земля, мне показалось, довольно сухая.

– Почему система полива не работает? – пробормотала я.

В ту же секунду – я подпрыгнула от неожиданности – вокруг брызнули десятки маленьких фонтанчиков.

Вода весело искрила в лучах солнца, брызги летели на дорожку, попадали на меня. Я побежала по территории, пригибаясь, – словно в Петергофе сквозь знаменитую «Шутиху». И система полива явно взялась со мной играть. То замирала, то вдруг окатывала с ног до головы – причем вода была приятной, теплой.

Возле одной из дорожек я отчетливо увидела: из-под земли что-то *пробирается*. Именно вылезает, раскидывая комья по сторонам. Сначала перепугалась, потом увидела: обычный гриб. Аппетитный боровичок – только пластмассовый.

Да, в этом доме раньше, несомненно, жили дети. Что с ними, где они сейчас?

Я замедлила шаг – и система полива сразу успокоилась, вода капала теперь не на меня, – только на растения.

А я продолжила прогулку.

Все в саду оказалось ухожено, аккуратно. Скамеечки, беседка, смотровая площадка, барбекю. И только у забора я обнаружила: аккуратная, вымощенная плиткой дорожка вдруг прервалась – на небольшой, размером с тетрадный лист, участок бетона.

На нем – еще не застывшем – кто-то уверенной рукой написал: «*Счастливы вместе*».

Далее, другим почерком, следовало: «К+М».

А ниже – отпечаток детской ладошки.

Кто вы, К., М. и малыш? Что с вами стало?

* * *

Покайся перед ней Максим – Лариса бы простила.

Но муж и не думал оправдываться. Заявил презрительно:

– А ты что? Считала, я тебе верность храню?

Лара опешила. Залепетала – тоном, будто сама оправдывается:

– Не считала, конечно. Думала: бывают иногда случайные связи. В командировке там, в сауне. А у тебя, оказывается, дочь!

Вздохнула:

– Я ведь тебе предлагала: давай еще девочку родим. Ты сам не захотел.

– Послушай, Лариса, – раздраженно молвил супруг. – Что тебе от меня надо?

И снова она растерянно захлопала глазами. Пробормотала:

– Да ничего не надо. Просто я тебе верила. Самым близким человеком считала. А ты, оказывается...

Не договорила. Залилась слезами, ушла плакать в кухню.

Муж за ней не пошел. Дождался, пока успокоится, выйдет в гостиную. Равнодушно предложил:

– Хочешь – давай разведемся.

Она с испугом взглянула в его отстраненное лицо:

– Ты что, меня совсем не любишь?

Макс расхохотался:

– Лара, сколько тебе лет?

– Подумаешь, на пять лет старше, – огрызнулась она. – Главное, я жила только для тебя. И всегда тебя любила.

– А чего бы меня не любить? – с легким презрением молвил муж. – Деньги в семью приношу, тебе не докучаю.

– Ну, и я: всех кормлю, обо всех забочусь!

– А в зеркало ты на себя давно смотрела?! – взорвался он.

Лариса насупилась. Сама знала: да, располнела. Уголки рта обвисли, глаза очертили морщинки. В волосах полно седины, но она упорно цеплялась за «натуральный цвет» и не красилась.

А муж решительно молвил:

– Давай мы тему любви отставим. Хочешь развода – не вопрос. Но денег моих не получишь. Плюс сыновьям навредишь. Сама знаешь: подростков лучше не травмировать. Поэтому

предлагаю все оставить по-старому. Веди свое хозяйство, развлекайся как хочешь, а в мои дела не лезь.

И лицо – абсолютно самодовольное. Не сомневается: жена-клуша, конечно, выберет вариант номер два.

– Хорошо, Макс, – ледяным тоном сказала она. – Я подумаю над твоим предложением.

Ушла в спальню, бросилась на кровать. Больше не плакала. Но кляла себя, что пятнадцать лет прожила доверчивой душой. Обхаживала супруга, заботилась, чтоб ему всегда было комфортно и вкусно, старательно выбирала подарки. А он ел ее пироги, надевал ей глаженные рубашки – и крутил роман с молодойкой!

Негодяй, сволочь! Два варианта он ей предлагает: или развод без копейки, или смирись. Нет, Максущка, извини. Я, конечно, клуша, но не совсем ноль без палочки.

Спасибо, кстати, сыновьям.

Те очень рано стали увлекаться компьютерами. Лара пробовала все, что положено, чтобы их от вредного занятия отвадить. Пыталась переключать внимание, регулировать время на использование гаджетов, даже запрещать.

Толку не вышло. И тогда она стала играть *вместе* с ними. Начинали со всяких жучков-букашек, дальше пошли стрелялки, аркады, «Майнкрафт». И тема для бесед появилась, и попутно все трое стали очень даже продвинутыми пользователями. Особенно она – все-таки математический факультет за плечами.

Макс и не подозревал, что она теперь умеет. Ему было неинтересно. А если Лариса оставляла свой компьютер включенным, то всегда – на всякий случай! – на какой-нибудь кулинарной страничке.

...На следующее утро Лара поднялась рано.

Она знала: ее супруг в технике дилетант, на его смартфоне даже антивируса нет. Поэтому получилось очень быстро: внедрить программку переадресации всех его сообщений на ее аппарат.

Макс ушел на работу, и Лариса сразу взялась за дело.

Ее личный лэптоп – как у всех продвинутых компьютерщиков – с виду был неказист. Зато скоростью обладал почти космической.

Лариса давно подглядела мужнин логин для мобильного банка. Тот его и не скрывал – подумаешь, секрет.

Откуда наивному было знать, что клуша-жена оказалась достаточно компетентна для того, чтобы взломать его персональные данные и узнать восьмизначный пароль.

Сейчас Лара отправилась – под именем супруга – на страничку банка.

Идентификацию прошла успешно.

Секретный пароль – переадресованный с мужниного телефона – явился в считанные секунды.

И вот она в личном кабинете супруга – твори что хочешь.

Жаль, много денег выгresti не удалось – основные сбережения супруг держал в акциях. Но на сто тысяч долларов его счет она облегчила.

Плюс имелись собственные сбережения. Макс и не догадывался, что если вести хозяйство экономно, то можно каждый месяц откладывать. Лариса вообще-то копила не для себя лично. А на *их с мужем* старость: мало ли что случится у Макса, бизнес в России – штука ненадежная.

Но теперь муж – ее враг. И воевать против него честно – после того как любимый столько лет ее обманывал – она не станет.

Дальше Лара открыла сейф. Забрала оттуда немногочисленные свои украшения. Мужнины дорогие часы, платиновые запонки. Пачку евро.

Все пока шло по плану.

Она уже выяснила – спасибо компьютерным навыкам – место, где Макс снял для своих приبلудок дом.

И порадовалась.

Домик оказался, во-первых, *с историей. Очень нехорошей.*

Во-вторых, стоял на отшибе.

А в-третьих – был из породы «умных». То есть управлять таким можно с компьютера!

Защита в «умных домах» всегда стоит серьезная. Но у нее тоже – какой-никакой опыт.

Вдруг получится взломать?

А не получится – она не побрезгует и лично Максовой молодайке в лицо вцепиться.

Еще одно несложное дельце в Москве – и можно вылетать на болгарский курорт.

* * *

Маришка выскочила из дома, будто за ней гнались.

Доложила:

– Папа звонил.

– Что говорит?

Девочка поморщилась:

– Занудствует. – Передразнила: – На солнце не сгореть, ночью дом на сигнализацию ставить и днем ворота тоже всегда запирать. А еще знаешь, что сказал? – Ее голосок задрожал от возмущения. – Что первые два дня мне можно только воздушные ванны принимать. А купаться нельзя.

– Почему? – удивилась я.

– Потому что ак-кли-ма-ти-за-ция, – скривилась Маришка. И с вызовом взглянула на меня: – Но купаться я буду все равно.

– Ладно, – улыбнулась я. – Только недолго.

– Супер! – расплылась в улыбке дочка. – Ты лучшая мама в мире!

Мы спустились на пляж, и Маришка вихрем влетела в прозрачную, искрящуюся, будто стекло вымытое, воду.

– Мама, тут крабы! А вон, смотри, чайка рыбку поймала! А посмотри, как я на голове под водой могу стоять!

Можно было прикрикнуть или даже силой вытащить – но я давненько не видела дочку настолько счастливой. Потому понадеялась: положительные эмоции переселят и простуды не будет.

Сама я не купалась – не сводила взгляда с Маришки. А заодно – ломала голову. Почему, интересно, Макс поговорил с дочкой, а меня к телефону не позвал? Зато ребенку надавал кучу «взрослых» предупреждений. Дом на сигнализацию ставить, ворота запирать... Помнится, когда он рекламировал свою Болгарию, утверждал: это самое безопасное место в мире.

«Ладно. Вечером позвоню и сама его допрошу», – решила я.

И поспешила в море: вытаскивать из воды мою красавицу.

Маришка, конечно, уже зубами стучала от холода. Сидела, дрожала в полотенце, но смело строила дальнейшие планы:

– М-мам, после обеда мы возьмем маски и ласты. И м-матрас надувной. И еще т-такую доску специальную, чтоб на волнах кататься.

– После обеда, по-моему, ты будешь чихать и кашлять, – вздохнула я.

– Мам, папа на тебя дурно влияет. Ты тоже начинаешь хлопать крыльями и причитать! – приложила малявка. – Но он-то старенький. А ты у меня еще молодая!

Сбросила полотенце, села рядом со мной, грустно молвила:

– И еще у тебя шикарный бюст. Не то что у меня.

Я расхохоталась, заверила дочку:

– У тебя будет еще лучше!

А Маришка вкрадчиво произнесла:

– Можно я опять купаться пойду?

– Нет, – покачала я головой.

И едва дочка свернула губы в обиженную трубочку, добавила:

– Пойдем лучше, я тебе один секрет покажу.

...На краю нашей бухточки имелось неприметное с виду строение. Маришка на него и внимания не обратила. Я тоже думала: там какой-нибудь хозяйственный инвентарь. Однако Манол вчера раскрыл мне тайну и дал два пульта.

Одним из них я отперла дверь.

На козлах, «лицом» к морю, стоял скутер.

– Вау! – взорвалась от восторга Маришка. – А на нем покататься можно?

– Естественно. Садись впереди меня.

Дочь прыгнула на сиденье, схватилась за руль.

Я села сзади, нажала кнопку второго пульта, и скутер послушно завелся. Придавила ручку газа – мотор взревел.

– Эй, мам, эй, подожди, не газуй! – затревожилась Мариша. – Ты *по доскам*, что ли, ехать собралась?!

– Ты забыла, что здесь «умный дом»? – усмехнулась я.

Храбро нажала кнопку на панели водного мотоцикла. И все вокруг мгновенно пришло в движение. Пол разъехался, ворота полностью растворились. Стойка, на которой стоял скутер, начала, под небольшим углом, опускаться вниз. Минуты не прошло, а мы уже были в море.

– Мам, мам! – ликовала Маришка. – Супер! Мега! Люкс! Давай, помчалась!

И я (хотя скутером управляла впервые) смело нажала на ручку газа. Мотоцикл зарычал, вспорол мармеладную водную гладь, рванулся вперед, нас обдало тучей брызг, Маришка едва не свалилась, взвизгнула, вцепилась изо всех сил в руль... «Максим бы сейчас меня просто убил, – мелькнула мысль. – Хотя что мне до него? Подумаешь, авторитет – *бывший* любовник!»

Мысль-улада. Мысль-освобождение.

Я и не думала сбавлять скорости. Лихо и уверенно обогнула еле скрытую водой скалу (вот был бы номер, сядь мы на нее брюхом) и помчалась прочь из нашей аккуратненькой бухточки. На простор. В открытое море!

Сама радовалась, будто девчонка (или, скорее, как мальчишка-хулиган). Газовала, резко поворачивала, мотор ревел, ветер бился в лицо, дочка восторженно пищала:

– Мам, эй, мам! А ты меня спасешь, если что? Я на глубине плавать пока не умею!

Но я продолжала гнать. И вспоминала наш единственный отпуск вместе с Максимом. Тогда мы тоже брали напрокат скутер. Он управлял, я чинно сидела за его спиной, а солидный мужчина Максим Петрович аккуратненько, по кругу, катался в строго отведенной для водных мотоциклов акватории. Ну и, разумеется, оба мы были в спасательных жилетах.

Я сбросила, наконец, скорость. Ругнула себя:

– Дорвалась до свободы, дура!

И осторожно развернулась – прочь из открытого моря, в нашу маленькую безопасную бухту.

Слева от нее раскинулся ближайший к нам городок Агатополис, и Маришка попросила:

– Мам, давай вдоль берега проедем!

И спокойно (вода под носом скутера еле пенилась) проплыли вдоль разноцветья домиков, песочного пляжа, лодочной пристани. Это и правда была совсем не та Болгария, как в туристических проспектах. Ни единого типового здания. Больших гостиниц тоже не видно – только семейные отельчики. И даже зонтики на пляже не одинаковые, а у каждого купальщика свой,

никакого цветового однообразия, – казалось, будто на берегу мозаику выложили из веселых ракушек.

– После обеда опять поедем кататься, – строго сказала дочь, когда мы вернулись в нашу личную бухту.

Но переменчив морской климат. Еще когда ели пиццу, всю палило солнце. А к десерту небо вдруг затянули тучи, засвистел ветер, по морю побежала рябь.

– Нечестно! – обиделась на погоду Маришка.

А я, наоборот, обрадовалась: пусть лучше дома сидит, акклиматизируется – как великий Макс сказал.

Отвела дочь в ее комнату и предложила бартер: она устраивает себе тихий час. И если по-настоящему засыпает – тогда вечером мы едем в городок, ужинать в ресторанчике и кататься на аттракционах.

Обычно Маришка дневной сон ненавидит, но сегодня возражать не стала. Обняла свою Луизу и засопела. А я – отправилась в собственную «нору». Капитанскую рубку.

Море, пусть бурливое и неприветливое, все равно оставалось удивительно красивым. Правду говорят, что у *серого* – множество оттенков. И дымчатый, и серебряный, и стальной. А до чего симпатично смотрелись на фоне свинцовых туч ослепительно-белые чайки!

Загляделась я, задумалась. И не заметила, что умник-дом обо мне позаботиться успел. Окно, что я распахнула с утра, правда, само не закрылось. Зато в кресле включился подогрев, пол тоже стал теплым, а на шкафчике-баре вспыхнула уютная лампочка: «Горячий чай».

Мечта, а не жизнь! Особенно для таких, как я, – кто всегда стесняется попросить в отеле второе одеяло.

Манол, правда, говорил, что в «умном доме» ничего само собой не произойдет, если кнопку нужную не нажмешь.

Но, по-моему, парнишка и сам не слишком разбирался в многообразии возможностей. Впрочем, даже если тут кто-то правит бал (кто – добрый дух, человек?), ничего плохого он мне пока не делает. Одни приятности.

Поэтому я с удовольствием налила себе чаю, шутливо поклонилась в пространство, молвила:

– Спасибо тебе, мой волшебный дворец! А теперь, – три раза хлопнула в ладоши, – подай мне, пожалуйста, одеяло!

И ни капли бы не удивилась, появись оно, прямо немедленно, у моих ног.

Видела бы меня сейчас Маришка! А уж Максим точно бы решил, что я умом повреди-лась – от слишком красивой жизни.

С чашкой чая в руке я подошла к панорамному окну. Шторм усиливался, крупная рябь уже кое-где вспенивалась белыми бурунчиками. Небо совсем посерело, слилось с морем. Чайки попрятались.

И вдруг я увидела: на фоне мрачно-серого – яркое пятно. Находилось оно далеко, на левой границе бухты, но стремительно двигалось вправо.

Я заинтересовалась, отставила чай, припала к подзорной трубе – и ахнула.

Со стороны городка несло надувной матрас. И на нем – несомненно кто-то был, отчаянно размахивал руками. Я сделала максимальное приближение. Да там мальчишка! Не старше десяти-одиннадцати лет, худой, в очках. Видны были даже брызги, заляпавшие его окуляры. А еще – откровенный, почти животный испуг в глазах.

Я отскочила от подзорной трубы, заметалась по комнате. Что делать? Звонить в полицию, спасателям? А номер? Не знаю. И по-болгарски не говорю. Он что, на пляже был один? Куда смотрели родители? Ха, усмотришь за этими детьми! У самой сколько раз было. На секунду буквально отвлечешься, а Маришка уже в лужу забралась. Или на подоконник. Но я всегда успевала вовремя поднять панику. Наверняка и родители мальчика ее подняли. Уже вызвали

спасателей. Сейчас примчится в нашу бухту быстроходный катер, спасет непутевого путешественника.

А если даже не будет катера – что я-то могу сделать?

Почему-то вспомнились саркастические слова Максима: «В нашей стране удивительное отношение к героизму. Люди бросаются спасать – в любом случае. Даже когда сами плавать не умеют. И погибают оба».

Я плавала очень плохо. А штормящего моря и вовсе боялась до паники.

Но матрас несло все быстрее, все дальше от берега. Очевидно было, что в скалу, что ограничивала бухту, он не уткнется – полетит дальше, в открытое море. И я поняла, что выбора у меня нет. Кубарем скатилась по лестнице и, грудью встречая ледяной ветер, бросилась на пляж, к водному мотоциклу.

* * *

У Мити и мысли не было купаться в непогоду. Что он, малыш неразумный? Или на море впервые приехал? Но валяться в постели с «Таинственным островом» (как предлагала мама) ему тоже совсем не хотелось. Зачем ему книжные тайны, когда кругом полно загадок реальных?

Поэтому он быстро нашел и показал ей статью в Интернете: что для иммунитета полезно гулять вдоль берега именно в шторм, когда в лицо (и в дыхательные пути) летят соленые брызги. Надел дисциплинированно свитер. И отправился. Официальная версия: по Агатополису побродить, съесть вареную кукурузу – тут на каждом углу продавали, и гораздо вкуснее была, чем на пляже. Но на самом деле план у Мити был другой: дойти быстрым шагом до *Замка Синей Бороды*. Посмотреть, что там происходит. Вроде, сказал знакомый болгарин, туда очередные постояльцы заехали. Что, интересно, за смельчаки?

Путей до таинственного дома имелось два. Один – скучный – по разбитой дороге, на рейсовом автобусе. А другой – по пляжу, по скалам. Конечно, Митя выбрал его. В шторм – самое оно. Ветер в ушах свистит, соленые брызги в лицо бьют. Настоящим капитаном себя ощущаешь! К тому же культурная песочная полоса за городской чертой сменяется укромными бухточками. А там – в каждой свой цирк. Где йоги медитируют, где каратисты ногами машут. Но Митя больше всего любил местечки, где красотки голышом загорали.

Сегодня, правда, в связи с непогодой почти все бухточки пустовали. Лишь в одной пили пиво две дамы, а рядом, на ярком матрасе, валялась девчонка. В три полотенца замоталась, и холод ей нипочем: колотит пальчиками по планшету, явно во что-то интересное играет.

Эту девчонку (его примерно лет) Митя в городке видел уже много раз. Наверняка, как и у них с мамой, своя квартира, надолго приезжают. Но познакомиться никак не выходило. Хотя экземпляр очень достойный: стройная, голубоглазая, не очкастая, волосы золотые.

А сегодня вдруг – Митя как раз мимо проходил – девчонка из-под полотенца выбралась и встает ему навстречу. Глазищи – блюдца, у кукол и то меньше. Чего б такого остроумного ляпнуть, чтоб она засмеялась? Но пока соображал, ветер как взвывает! Такой порыв, что девчонкин матрас сразу на попу и резвенько, будто его гонят, – бух в море! И поскакал, переворачиваясь, по мелководью.

– Эй, ты куда? – растерянно крикнула ему девчонка.

Дамы, что пили пиво, оторвались от увлекательного занятия, напустились на златовласку:

– Вот бестолковая! Сто левов матрас стоит. Держи его, держи!

Бедняжка послушно ступила в море – но сразу назад отпрыгнула. Пропищала:

– Я волн боюсь!

А матрас уже метрах в двадцати от берега кувыркается.

Прекрасный повод совершить подвиг! Ветер пусть холодный, но вода вряд ли остыть успела. А по плаванию у Мити – первый разряд. Потому он сбросил свитер, майку, шорты. Строго велел девчонке: «Вещи мои охраняй». И бросился в погоню.

– Куда ты? – жалобно выкрикнула девчонка.

– Пусть плывет! – захохотали дамы. – Как мы без матраса?!

И чокнулись пивными бутылками – за успех.

А Митя поплыл – своей гордостью, эффектным кролем. Гнал изо всех сил, дыхание сбивалось, ветер бил в лицо, волны пару раз захлестывали в рот. Но матрас он триумфально поймал.

Взгрозился на него, оглянулся – и сердце похолодело. Ничего себе! До берега уже метров двести, а боковой ветер гонит его жалкое транспортное средство в сторону с очень приличной скоростью. Да и средней величины рябь постепенно обращается в реальные волны. Плюс сразу холодно стало до дрожи: в воде, пока греб, тепло было, а сейчас ощущение – будто в холодильнике сидишь.

Лег на живот, попробовал направить матрас к берегу – толку никакого, ветер гораздо сильнее.

Чего делать? Оставлять свою добычу Нептуну, прыгать да плыть обратно? Но та пара минут, что мальчик провел на матрасе, обошлась ему в очередные двести метров от берега. Всего получается четыреста метров. А то и полкилометра. Да против волны. Хватит ли сил? И перед девчонкой неудобно: принц-спаситель вернулся ни с чем, да еще жалкий, дрожащий, как цуцик.

Хорошо хоть, ветер – Митя попытался оценить – не строго в открытое море несет, а вдоль берега. Как раз в сторону *Замка Синей Бороды*. Вдруг ему повезет: пронестись через бухту, а потом прибиться к дальней скале? Или хотя бы недалеко от нее ветер протащит. На разумном расстоянии, чтобы доплыть можно было.

Холод, правда, смертельный. Митя обхватил себя руками, попробовал растереться, но матрас качало так, что вместо самомассажа он свалился в воду и едва успел поймать свое транспортное средство вновь. Теперь совсем до костей пробирало. И ветер опять переменялся. Уже не вдоль берега несет, а строго в открытое море. Нет, не видать ему суши. Только если на другой стороне – в России или на Украине.

Митя нервно хохотнул. И вдруг увидел: от Замка Синей Бороды ему навстречу, взрывая бурунчики пены, мчится водный мотоцикл.

Мальчик отчаянно замахал руками, хотя и без того понятно: вот оно, спасение.

Даже пошутить, перекивая ветер, получилось:

– Вы Чип или Дейл?

Женщина, что управляла скутером, взглянула ошеломленно. Но сориентировалась, ответила:

– Спасатель из Малибу. Давай, бросай свой матрас и залазь назад, только аккуратно, не сбрось меня... Ф-фу, ледяной какой. Ты из Агатополиса?

– Ага. А вы из Замка Синей... то есть из Дома мечты?

– Именно. Поехали. Разотру тебя водкой, найду одежду.

Мите ужасно хотелось побывать во владениях Синей Бороды – да еще на правах официального гостя. Но ведь девчонка – хозяйка матраса – наверняка подняла панику. Вдруг уже и мама знает, что его в открытое море унесло? С ума сходит?

И мальчик светски попросил:

– А вас не затруднит отвезти меня назад в Агатополис? У меня, правда, только кредитная карта, но у вашего скутера наверняка есть кард-ридер.

– Рекламная акция, – хмыкнула женщина. – Первое спасение бесплатно.

И весьма уверенно повернула в сторону города.

* * *

– Ну, мам, я от тебя не ожидала! – прокомментировала мой подвиг Маришка.

Я даже обиделась:

– А ты что думала? Я посмотрю и просто отвернусь?

– Папа говорит, что нет хуже, чем когда спасать берется любитель.

Оставалось лишь усмехнуться:

– Ты называешь меня любителем? Да я на скутере езжу лучше любого профессионала.

– Мамочка, как я тебя обожаю! – обвила меня ручонками Маришка.

И запрыгала на одной ножке:

– Слушай, а может, тебе теперь медаль дадут? За спасение утопающих?

– Ну, это вряд ли, – улыбнулась я. – Но мы познакомились с мамой этого мальчика. Она хочет меня отблагодарить. Так что сегодня у нас с тобой будет не обычный ужин в ресторане, а торжественный. В мою честь.

– Как называется место? – с важным видом поинтересовалась дочь.

– «Боруна». Митя – ну, горе-пловец – уверяет, что там лучшая в городе рыба. И мороженое нереально вкусное.

– Супер! – возликовала Маришка. И нахмурилась озабоченно: – А этот Митя симпатичный?

– Он был весь синий и в пупырышках, – усмехнулась я. – Так что толком не разглядела. И вообще ему двенадцать лет, а тебе только восемь.

Но дочка тем не менее приготовила на вечер самое нарядное платье. Ворча и пыхтя, сама заплела себе сложную французскую косичку. Подбавила в свой бесцветный блеск для губ моей очень даже красной помады. Да еще и меня отругала – за скромные брючки с футболкой.

– Мам! Ты как Золушка при принцессе! Переоденься сейчас же!

Я чмокнула ее в нос:

– И не подумаю. Пусть меня за твою служанку принимают.

Я прежде никогда не совершала геройских поступков и вообще не люблю привлекать к себе внимание. Сейчас тоже очень надеялась, что за мою храбрость поднимут тост, а дальше разговор перейдет на другие темы.

Но, увы, в «Боруне» мне устроили торжественный прием. Мама спасенного (по имени Елена) встретила меня на пороге с необъятных размеров букетом цветов. Далее настал черед хозяина ресторана. Он (надо же было такое загнать!) сравнил меня со спасительной Красной армией. А в награду за храбрость вручил бутылку коллекционного вина и карточку vip-клиента. Шеф-повар тоже участвовал в торжестве – лично вынес лучшую местную рыбу лефер, красиво пожаренную на гриле. А сам Митя (принаряженный и чрезвычайно смущенный) подарил шоколадную русалку в изящной упаковке. Пробормотал:

– Вы как явление с небес во мгле пучины стали. Ударив молнией, согрели и спасли. Это, типа, стихи. Мои.

– Спасибо, – улыбнулась мальчику я.

А Маришка немедленно доложила:

– Мама шоколад не ест, бережет фигуру!

Дочка смотрела на Митю с неприкрытым восторгом. А тот, конечно, поглядывал на нее снисходительно, как и подобало двенадцатилетнему – на второклашку. Спрашивал, читала ли она «Волшебника изумрудного города». А после того, как ужин был съеден, заботливым тоном старшего брата предложил:

– Тут рядом с рестораном детская площадка есть, не хочешь сходить?

И совсем не смутился, когда моя дочь метнула в него яростный взгляд.

Спасибо, Митина мама бросилась исправлять оплошность сына:

– Не обижайся. Он неправильно выразился. Это не площадка, а спортивный комплекс, там турники, лазилки всякие. Для школьников и подростков.

– Подожди, Мариша. Я сейчас доем, и сходим вместе, – предложила я.

Но Елена мою идею не одобрила:

– Пусть сама идет. Там за ребятами аниматор присматривает. Специально все сделали, чтобы родители спокойно посидеть могли.

– Может быть, Митя покажет где? – обернулась к мальчику я.

Но тот отчаянно замотал головой, покраснел, забормотал:

– Там все просто! Направо и за угол!

Мария моя разобиделась окончательно. Встала, резко задвинула стул, царственно молвила:

– Разумеется, я во всем разберусь сама.

И удалилась. А Митя с отчаянием взглянул на маму. Та обернулась ко мне:

– Простите. Я понимаю, ваша дочка расстроилась. Но дело в том, что Дмитрий вам кое-что рассказать хочет. По секрету.

Я даже растерялась:

– По секрету от кого? От Маришки?

– Ну да, – простодушно отозвался мальчик. – Она у вас еще маленькая, зачем ее пугать, что вы в Замке Синей Бороды живете?

– Где мы живем? – ахнула я.

– Дмитрий. Ты обещал, что будешь максимально корректен, – укорила Елена. И обратилась ко мне: – Юна, пожалуйста, не волнуйтесь. Нет никакого Замка Синей Бороды. Обычные для маленького городка страшилки. И сплетни.

– Ничего это не сплетни! – горячо начал мальчик, но Елена мягко попросила:

– Не спеши, Митя, сейчас я предоставлю тебе слово. Но сначала дам вводные. Очень кратко, не волнуйся. Мы здесь, в Агатополисе, шестой год. Точнее, шестое лето. Купили квартиру одни из первых – когда только началась мода на болгарские дачи. Конечно, многих в городе знаем, за местными новостями следим – как иначе не погибнуть со скуки? Впрочем, что здесь за новости? Приехал цирк шапито. На причале к началу сезона сделали подсветку. Несерьезно, никакой интриги. То ли дело – дом, который вы снимаете. Он в Агатополисе постоянный раздражитель. Всех горожан интересует чрезвычайно.

– Почему?

– Хотя бы потому, что местные не имеют к нему ни малейшего отношения. В любом болгарском городе ведь как: есть несколько своих застройщиков, которые работают по полному циклу. Они сами выбирают участки, получают нужные разрешения, возводят дома, облагораживают территорию, потом продают квартиры. Налаженный бизнес, чужих в нем нет. Однако ваш замок – это целиком и полностью проект какого-то бонзы из России. Землю иностранцам в Болгарии не продают, поэтому он специально зарегистрировал фирму с участием местных. Но к своей стройке болгар на пушечный выстрел не подпускал. Строителей из России привозил, с Украины...

– И потом их убивал, а тела закапывал на участке, – вставил Митя.

– Слушай, прекрати свои шуточки! – уже всерьез прикрикнула на него Елена. И продолжила:

– Все материалы, технику русский тоже сам заказывал. И делал многое своими руками. Я лично его не видела, но Митя бегал смотреть: богатый человек, миллионер, а целый день наравне со своей бригадой работает. В спецовке, в кедах старых. Строить не умел, вечно то порежется, то раствором обольется. Но старался. Дом действительно получился красивым. Два года назад все было готово. Хозяин вроде бы сообщил, что переезжает сюда навсегда, вме-

сте с семьей. В Агатополисе затаили дыхание. Но никто так и не приехал. Что случилось – наверняка никто не знал. Одни говорили – арестовали. Другие – сошел с ума, умер, сменил имя, сбежал на Кайманы. В общем, исчез. Имущество пустили с молотка. Дом мечты купила болгарская фирма. И стала его сдавать на лето, зимой-то здесь совсем делать нечего. Прошлым летом были три арендатора, в этом году – вы первые...

– Мам! – возмущенно перебил Митя. – Ты прямо кот Баюн. Обещала ведь: коротко! Сейчас малышка вернется, а ты пока не рассказала ничего!

– Подожди еще ровно одну минуту, – властно молвила Елена. И с прежней неспешностью продолжила: – Вы, Юна, наверное, успели понять, что у меня за сын. Непоседа и егоза. У него каждый год здесь – новая тема, скольких мне нервных клеток стоит! То по заброшенным домам он лазит, то уверяет, что лох-несское чудовище видел.

Митя даже подскочил:

– Ма-ам! Клевета!

Но женщина не обратила на него ровно никакого внимания, продолжала, обращаясь ко мне:

– А в прошлом году – в одиннадцать лет – Митя сделался сыщиком. Преступлений в Агатополисе, правда, не бывает, да и клиентов, чтобы расследование поручить, у него не имелось. Ну, он и взялся – на общественных началах – за вашим домом следить.

– А почему именно за ним?

– Ну, других-то – таинственных! – у нас нет! – с удовольствием включился в беседу мальчик. – Только старый, дощатый, напротив маяка. Но с ним все понятно, и живет в нем скучный дед, если видит русского, сразу начинает спрашивать, читал ли он «Поднятую целину». А про ваш замок миллионы легенд ходили. Вплоть до того, что хозяин на самом деле не в тюрьме и не на Кайманах, а живет *под домом*. В глубоком бункере.

– Что?! – ахнула я.

– Не обращайтесь внимания, – попросила Елена. – Это очередная Митина шуточка.

– Ну, может, и не живет, но *дух* его в доме точно остался, – важно заявил мальчик. – И этот дух чрезвычайно не любит, когда там селятся посторонние.

– Митя. Ты меня пугаешь, – вздохнула я.

А мальчик покровительственно молвил:

– Не волнуйтесь. Вы – нормальная, поэтому вам он ничего плохого не сделает. А вот та тетка, что в прошлом июле жила, сразу после молодоженов... Видели бы вы ее! Тоже русская, но ни с кем никогда ни слова, с ней здороваются – отворачивается. Ходила только в черном – хотя лето, жара, и не мусульманка она никакая ни разу. Даже на пляже в черном платье и в черном платке сидела и не купалась никогда. Конечно, мне стало интересно!

– И Митя начал мне врать, что теперь он будет бегать, готовиться к марафону, – констатировала Елена.

– Но я и правда туда бегал, – пожал плечами мальчик. – А обратно ездил на автобусе.

– Как вы не боитесь? – не выдержала я.

Мать юного исследователя горько вздохнула:

– А чем его удержишь в четырех стенах? Планшетом?! Зрение без того минус четыре. И на пляже просто загорать он не хочет.

– Что я, овощ, что ли? – хмыкнул Митя. – Да и чего бояться? Агатополис – самый мирный городок в Европе.

– А так хотя бы занят человек, – грустно усмехнулась Елена. – Бинокль, одежда маскировочная, что там у тебя еще было? Порошок, чтоб отпечатки пальцев снимать?

– Ага, – вздохнул Митя. И улыбнулся виновато: – Но я им не воспользовался. Перетрусил очень!

* * *

На самом деле следить оказалось довольно скучно. Ну, стоит себе дом. Забор – как положено в Болгарии, не глухой. Разглядывать сквозь него можно. Но пробраться на территорию – никак. Митя однажды – когда дама в черном спустилась на пляж – попробовал протиснуться сквозь прутья. Но немедленно завывла сирена, раздался собачий лай (псы, правда, не показались).

Пришлось позорно ретироваться, и больше к забору мальчик не приближался. Понял, что дом примочками для безопасности оснащен по высшему разряду. Если имеется фальшивый собачий лай, то и видеокамеры по всему периметру ограды стоят наверняка.

Однако загадка неулыбчивой дамы продолжала занимать его воображение. Митя даже местное население решил опросить, хотя болгарского никогда не учил, а только смешные слова запоминал. (Попкорн, например, будет «пуканка». А «не трогай» – «не пипай».)

Однако болгары – кто жестами, а кто на оставшемся от социализма русском – ничего интересного ему не поведали. Дама вроде была вдовой и страдала по безвременно почившему мужу. Хотя зачем для того, чтоб страдать, ехать на черноморский курорт и снимать дорогой особняк? Или, может, леди только на людях изображает скорбь? А дома, когда одна, поет и веселится?

Впрочем, окна загадочная особа зашторивала не всегда. И сколько ни наблюдал Митя за ней – ничего подозрительного не увидел. Женщина и дома ходила в черном. Ела, пила чай, иногда смотрела телевизор или читала. Но чаще всего – очень часто – просто сидела, не шевелилась. Мите в подзорную трубу удалось перехватить ее взгляд. Ничего, кроме грусти, в нем не было. «Чего я, правда, привязался к несчастной тетке? – устыдился парень. – Видно ведь: человек страдает. А по какой причине – какая разница?»

И решил: «Все. Конец расследованию. Завтра с мамой на пляж пойду».

Но сегодняшнюю «смену» нужно было закончить. Исключительно из практических соображений. Времени – два часа дня. В засаде, в тени сосны, – хорошо. Но на солнце – плюс сорок три. У водителя автобуса как раз обеденный перерыв. И топать в такую жару пешком – радости мало.

Агатополис пусть не Испания, но летом здесь тоже сиеста. Или, как минимум, ленивое настроение. Митю жара разморила, он раззевался, задумался: не подремать ли, раз со слежкой все равно покончено?

Но прежде, чем развалиться на удобной походной подстилке, кинул последний взгляд на дом – и сон сразу развеялся. Черная дама – хотя в обеденное время обычно на террасе сидела – куда-то собралась. Решительным шагом вышла во двор, в руках (Митя в подзорную трубу разглядел) держит пульт.

Мальчик увидел: у одноэтажного строеньица, стоявшего у ограды, разъехались двери. Похоже, гараж. Он перевел окуляр на него. Увидел: внутри эффектная «Мазда». Дама подошла – почти подбежала – к машине. Куда, интересно, поедет? Все равно не узнаешь. Но, может, раз явно торопится, в спешке забудет охранную сигнализацию включить? И он сможет обследовать хотя бы двор?!

Митя быстренько вылез из своего убежища, начал подбираться короткими перебежками поближе. Чего Черная там копается? Давно бы можно было завести машину да выехать. Или она вспоминает, как передачи переключать?

Мальчик подошел вплотную к забору, принял любопытный «туристский» вид – он здесь просто прогуливается, чего такого? Встал на цыпочки, заглянул в гараж. И глазам своим не поверил.

Отсюда видно было очень отчетливо, никакой подозрительной трубы не надо. Вот открытые ворота гаража, внутри по-прежнему стоит «Мазда». А черная дама распластана на полу, перед бампером. И, кажется, не шевелится.

Митя не раздумывал ни секунды. Протиснулся сквозь прутья забора – сирены, по счастью, не взвыли. Опасливо огляделся – вдруг собаки все же имеются? Настоящие, а не имитация? Впрочем, даже если они есть – он *обязан* помочь. Что с ней случилось? Инсульт, инфаркт? Стой, Митя, стой. У тебя ведь есть телефон, и симка в нем болгарская. Просто вызови полицию, «Скорую помощь»... Но пока они приедут! А он-то – здесь и может действовать!

Мальчик в несколько мощных скачков домчался до гаража. Присел перед распростертой женщиной, опасливо тронул ее за плечо:

– Вам плохо?

Та лежала неподвижно, глаза – видно – закатились глубоко под веки. Но дышала. Прерывисто, громко.

Митя потряс ее сильнее:

– Вы меня слышите?

Женщина, не открывая глаз, застонала. Губы ее шевелились, силились что-то произнести. Мальчик присел на корточки. Что она бормочет? «*Коча? Боца?*» Нет: «Доча».

Митя попытался приподнять тяжелое тело – бесполезно. Внутренне обмирая, хлестнул женщину по щеке – никакой реакции, веки по-прежнему сомкнуты, продолжает повторять монотонно: «Доча, доча, доча...»

«Что я время теряю, дурак?»

Мальчик вытащил телефон, нашел номер «Скорой». А уже когда набрал три цифры, взгляд его случайно упал на окно гаража.

И Митя замер от ужаса.

Оператор ответил мгновенно. Настойчиво – и все более раздраженно – требовал объяснить, что случилось. Но несчастный сыщик никак не мог подобрать нужных слов. И тем более не мог отвести глаз от огромных красных букв, мерцавших на стекле: «**Убийца! Твоя дочь придет за тобой!**»

* * *

Погода снова сменилась, шторм закончился, вечер был теплый, но сейчас меня пробрала дрожь. Юный Митя – будто актер, только что блистательно отыгравший Гамлета, устало откинулся на стуле.

Его мама вздохнула:

– Если бы я только знала, где он *гуляет!*

Я поняла, что эту фразу она повторяет далеко не в первый раз.

– Можно мне мороженого? – заискивающе произнес мальчик.

– Минуточку! – возмутилась я. – А рассказать, что было дальше?

Митя потупился:

– А ничего больше не было. Ну, вызвал я полицию, «Скорую». Приехали очень быстро. У хозяйки, как я понял, – сердечный приступ, ее сразу в больницу забрали.

– Но ты ведь сыщик! – не удержалась, подколола я. – Неужели больше ничего не выяснил? Что означали эти слова на окне? И кто их написал?!

– А как я выясню? Меня сразу со двора вон. От забора, правда, не гнали, но говорили полицейские по-болгарски, я ничего не понимаю почти. Уловил только, что это не простое стекло – в него встроен экран метеостанции. Как толькоходишь в гараж, она сама включается. Температуру воздуха показывает, давление, силу ветра, не скользкие ли дороги. А, еще алкоголь в крови определяет и пищит, если промилле больше, чем надо.

– Но как метеостанция может обвинять в убийстве? – пробормотала я.

– Никак, – развел руками мальчик. – Это только человек мог написать. Но я точно уверен: в доме, кроме той женщины, никого больше не было. Я ведь дней десять за ним наблюдал. И никогда никого!

– А домработница, допустим?

– Не было, – четко, будто отличник у доски, отбарабанил Митя. – И садовника не было.

– Хорошо. – Я почувствовала, что тоже захожу в азарт, сама начинаю себя чувствовать частным сыщиком. – Зайдем с другой стороны. Я уверена, ты сразу стал выяснять, кто такая эта женщина в черном.

– Стал, – сурово сдвинул брови мальчишка. – И выяснил. Она действительно убила свою дочь.

– Где, когда? – растеряннo молвила я.

– Сейчас расскажу, – с готовностью отозвался мальчик.

– Митенька, – мягко вмешалась Елена, – да об этом я и сама могу. А ты сходи, пожалуйста, проверь, чем Мариночка занимается. Не умыкнул там ее с площадки юные красавцы болгары?

Мальчик послушно встал. Мать проводила его взглядом, полным любви и тревоги. Обернулась ко мне, молвила чуть виновато:

– Ему только двенадцать. Подросток, максималист. Упрямец. Если что решил – горы свернет. Весь Агатополис в прошлом году на уши поставил: выяснял, кто эта дама в черном. В арендную компанию ходил, в полицию, в редакцию газеты. Болгарский специально учить взялся. Никто, конечно, всерьез мальчика из России не воспринимал. Имя, фамилию – на кого договор аренды оформлен, – правда, выяснить смог. Иванова Мария Петровна, негусто. Не сдался, полез искать эту Иванову в Интернете – толку никакого. Тогда придумал новый ход. Вбил в поисковике: «убийство», «дочь» – и начал все ссылки дотошно просматривать. И повезло ему, одна из статей оказалась с фотографией. А на ней – та самая дама. Вы наверняка тоже об этой трагедии слышали. Помните, два года назад во всех газетах писали, как мать с дочерью поехали отдыхать в Эмираты и там девочка утонула? Глупо, странно – в ванной. Сначала говорили: несчастный случай. А потом ветер переменился. Журналисты стали обличать: мать якобы не слишком горюет и дочь свою перед поездкой застраховала на огромную сумму. Дочкин клочок волос оказался в ее руках... Дальше – женщину арестовали – там, в Эмиратах. Чуть ли не смертная казнь грозила. А потом ее вдруг депортировали в Россию, и все, тишина. По крайней мере, у нас в России суда над ней не было. А год назад она здесь оказалась, в Болгарии. В роскошном особняке. Вот такая история.

– Так убивала она свою дочь или нет? – нетерпеливо выкрикнула я.

– Суда не было до сих пор. Поэтому можно только строить предположения. Митя считает, что да, – вздохнула Елена. – Я думаю – нет. Просто несчастный случай произошел с девочкой. Но винила мать в нем себя. Что упустила, недосмотрела...

– А что было дальше?

– Ох, да все совсем грустно. Я даже Мите подробности не рассказывала. Он, конечно, считает себя взрослым, но вы ведь сегодня сами все поняли. Мальчишка еще.

Женщина осмотрелась, пробормотала:

– Не идут там еще наши дети?

Посмотрела мне в глаза, молвила виновато:

– Я вообще пыталась уговорить Митю *ничего* вам про ту историю не рассказывать. Убеждала: зачем людей зря пугать?

– Да, пожалуй, я бы предпочла просто не знать, – кивнула я.

– Можно подумать, Дмитрия можно переспорить, – досадливо произнесла Елена. – Заладил про вас: «Она не побоялась меня спасти, на водном мотоцикле в море бросилась, в шторм. Значит, и я должен добром на добро ответить. Предупредить, что в ее доме – опасность».

– А дом здесь при чем? – опешила я.

– Да видите ли, Юна... Все эти сплетни, возможно, имеют под собой почву. Я, конечно, тоже не смогла остаться в стороне. Везде, где могла, наводила справки – и выяснила. Дело в том, что властям так и не удалось установить, *кто* сделал ту надпись на экране метеостанции. Митя прав: в доме никто, кроме техника из обслуживающей компании, не бывал. Но тот клялся, что вообще не заходил в гараж. Никогда. И если у арендаторов скелеты в шкафу – его это вообще не касается. Возмущался: «А уж угрозы писать? Чтобы с работы уволили? Что я, совсем больной?»

Больше того, дом практически всегда стоял на охране. И даже когда хозяйка его с охраны снимала – некоторые видеокамеры все равно продолжали работать. В том числе и та, что находится над входом в гараж. В полиции внимательно просмотрели все записи с нее. Убедились: в гараж в течение долгих месяцев никто не входил. Никто. Только весной механик заглядывал, проверял машину. Но тогда метеостанция сработала, как обычно. Сообщила ему погоду и что он трезв.

– Вы это точно знаете? – недоверчиво произнесла я.

– Мы с мэром города в теннис играем, – улыбнулась Елена. – А начальник полиции – его лучший друг.

– И никакого бункера под домом нет?

– Господи, да о чем вы говорите? Все там тщательно обыскали. И версию с бывшим хозяином тоже рассматривали, запрашивали иммиграционную службу. Выяснили достоверно: он покинул Болгарию в мае, больше двух лет назад, и больше в страну не въезжал.

– Но неужели у полиции не было никаких версий – кто это сделал? У этой... Ивановой – муж есть?

– Нет. Мать-одиночка. И вообще никаких родственников.

– Но мог ведь хоть кто-то ей мстить!

– Юна, – Елена взглянула чуть ли не жалобно, – вы только не смейтесь. Митя всерьез уверен, что ей мстил *дом*.

– Что?

– Я понимаю, – понурилась женщина, – звучит совсем глупо... Но я вам еще концовку не всю рассказала. История куда более странная, чем с надписью на экране метеостанции.

Тогда – в гараже – у Ивановой случился сердечный приступ. Серьезный, но, слава богу, не инфаркт. В больнице она пролежала неделю, а потом врачи даже разрешили остаться на море, купаться, загорать понемногу. Тем более что аренда за дом до конца лета заплачена, и если расторгать договор, деньги не вернут. Но Иванова возвращаться в особняк категорически отказалась. Заехала на час – только вещи собрать. Ну, таксист привез ее и, чтобы зря не стоять, не ждать, пока она чемодан укладывает, в городок решил съездить по каким-то делам. Возвращается – точно в то время, как договаривались, – Иванова не выходит. Он звонит ей на мобильник – не отвечает. Звонит в дом – тишина. Но дверь не заперта. Входит – никого. В спальне – чемодан, наполовину собранный. Звал, кричал – не отзывается. Забеспокоился, вызвал полицию. Те приехали, обыскали все закоулки – нету женщины, как сгинула. И на пляже нет. А вечером ее обнаружили в городе. В состоянии, – Елена покачала головой, – просто ужасающем. Брела по улице, всклокоченная, босая, пьяная. И повторяла постоянно: «Я умерла, умерла!!! Я в зеркале не отражаюсь!»

Ее попытались успокоить. Даже зеркало кто-то принес, говорит: «Вот, смотрите!»

Но она все равно кричит: «А там – я не отражалась! Во всем доме не отражалась!»

Своей психиатрической клиники в Агатополисе нет – пришлось везти несчастную в Бургас. И всю дорогу, в карете «Скорой помощи», она продолжала кричать: «Меня в зеркале нет! Я мертвая!»

– Откуда вы знаете эти подробности? – не выдержала я.

– Водитель «Скорой» – мой сосед. Мы с ним любим выпить по стаканчику ракии. И по-русски он хорошо понимает.

– Ужас какой... – пробормотала я.

– Да. В клинике Бургаса Иванову обследовали. И поставили диагноз: аффективно-шоковая реакция.

– Это что значит?

– Временное помрачение психики. На фоне психотравмирующей ситуации. Но это, собственно, не болезнь – за пару дней само проходит.

– Получается, она не была сумасшедшей? И *действительно* не отражалась в зеркалах?

Я почувствовала, как по телу бегут мурашки.

Елена покачала головой:

– Наверно, все-таки была. Потому что едва ее выпустили из клиники, она покончила с собой. Здесь, в Болгарии. Повесилась.

Я, охваченная паникой, молчала.

Митина мама попросила:

– Только, пожалуйста, сыну моему об этом не говорите. Слава богу, сыщиком он быть перестал.

Взялась за бокал с вином, предложила:

– Давайте еще раз за вашу храбрость выпьем. И простите нас, пожалуйста, за то, что напугали. Глупости это все. Забудьте. Не может мстить людям прекрасный, удобный дом.

– Да мне и не за что вроде мстить, – в тон ей ответила я.

Но страх уже пропитал – каждую клеточку тела.

Вдруг мы сегодня вечером приедем, взглянем на себя в зеркало – и увидим, что нас *тоже нет?*

* * *

Маришка с Митей вернулись с детской площадки под ручку. Причем подросток поглядывал на мою кокетку не свысока, как прежде, а почти с нежностью.

Я просто глазам своим не поверила. А дочурка, нимало не смущаясь, объявила:

– Я Митю в гости на завтра позвала.

Обернулась к его маме, светски добавила:

– Ну, и вас, конечно, тоже.

Дочка знает: я не против ее гостей, но прежде, чем их звать, она всегда должна спросить моего разрешения.

Но, когда рядом Митя – взрослый, умный! – все правила у глупышки из головы вон.

Еще и нахальства хватило заявить:

– Мам, я обещала, что ты свой знаменитый пирог с клубникой испечешь.

И лицо абсолютно невинное. Хотя дочь прекрасно знает: на отдыхе готовить я терпеть не могу. Мы заранее договорились, что еду будем заказывать в ресторанах. А тут от меня требуют сложнейшего блюда. Возиться с ним – минимум три часа. А если духовка незнакомая – может вообще ничего не получиться.

Но жаль стирать счастье, надежду из глаз Маришки. Я вздохнула:

– Будет вам пирог.

– А на горячее я с утра попчеты наловлю, – сообщил Митя.

– Чего-чего? – хихикнула Маришка.
– Попчета – по-русски бычок. Рыбка такая губастенькая. Летом только ловится.
– Не выдумывай, Дмитрий, – строго молвила Елена. – К тому же мне почему-то кажется, Юна не любит чистить и потрошить рыбу. Как и я.
Она улыбнулась мне:
– Я лучше отсюда, из «Боруны», еду закажу. С доставкой. Кстати, тут и десерты отличные. Зачем вам с готовкой возиться?
– Нет-нет, – возмутилась дочка. – В «Боруне» ничего подобного и близко не испекут.
Митя взглянул на меня:
– Мариша сказала, что ваш пирог – как волшебная дудочка из сказки. Люди идут... идут... то есть едят, едят... и не могут остановиться.
– Дмитрий, – еще более строго произнесла Елена. – По-моему, ты забываешься.
Но я возразила:
– А по-моему, он *нарывается*.
– На что же? – серьезно поинтересовался мальчик.
– На поручение. Я никого не кормлю бесплатно своим знаменитым клубничным пирогом.
– Вы шутите? – неуверенно молвил Митя.
– Нет. Ты получишь свою порцию только в обмен на информацию: как звали бывшего хозяина Замка Синей Бороды? То есть Дома мечты. И что с ним стало сейчас?
– Да не вопрос! – оживился мальчик. – В Интернете мигом найду. А не найду – так к маминим связям прибегну. В нее начальник полиции тайно влюблен, он ей все расскажет.
– Ми-итя! – простонала Елена.
А моя вертихвостка попросила:
– Если у начальника полиции есть симпатичный заместитель, познакомьте его, пожалуйста, с моей мамой!
И в такси, когда мы ехали домой, прижалась ко мне, виновато взглянула в глаза:
– Мам, ну прости! Я знаю, что подвела тебя с этим пирогом. И гостей ты совсем не хотела. Но Митя – он такой суперский!
И взгляд – мечтательный, почти влюбленный.
Я не стала разочаровывать дочку: что парню, видно, просто хочется побывать в нашем загадочном доме.
...Доехали мы быстро.
– Спре ли на вратата?¹ – поинтересовался водитель.
Но я царственно молвила:
– Заезжайте внутрь.
И – будто голливудская звезда – нажала на пульт от ворот. Никогда еще в жизни меня не подвозили по личному саду к мраморному крыльцу.
Дом приветствовал нас по высшему разряду. Не только ворота в движение пришли, но еще и подсветка в саду включилась. Тихо зазвучала классическая музыка. И окошки первого этажа приветливо вспыхнули.
– Ти си жена на олигарх², – подвел итог таксист.
И сдачу дать – даже не попытался.
Настаивать я не стала.
Цветы одуряюще пахли, на их листьях дрожали капельки. В холле было прохладно, зато полочка для обуви, где мы оставили тапки, оказалась с подогревом. А на кухне нас встретил закипающий чайник.

¹ Остановить у ворот? (болгарск.)

² Ты жена олигарха (болгарск.).

– Мам, – покачала головой Маришка, – может, правда найдешь себе не какого-то начальника полиции или мэра, а сразу олигарха? Чтоб купил нам с тобой этот дом?!

Она с восторгом плюхнулась на диван, важным голосом приказала:

– Мультики!

И огромный экран телевизора послушно явил губку Боба с честной компанией.

– Ты и это уже умеешь! – оценила я.

А дочка снисходительно отозвалась:

– Подумаешь! Голосовые команды сейчас многие телики различают. Вот если бы он умел мульты сортировать – на мальчишечьи и девчачьи! Но нет, этого железка не может. Придется самой искать.

И принялась листать каналы с космической скоростью.

А я поспешила в свое убежище, в капитанскую рубку.

Едва угнездилась в любимом кресле – немедленно зазвенел телефон. Тутешный – черный, стилизованный под старину аппарат. Я взглянула на него почти со страхом – вдруг это дом звонит? И сейчас молвит механическим роботоголосом: «Что вам подать?»

Однако это оказался Максим.

– Ой, привет! – Я поняла, что рада его звонку.

Однако мой любовник заговорил строго:

– Юна, уже почти одиннадцать. Где вы были?

– Милый, прости, – с искренним раскаянием молвила я. – Нас пригласили в ресторан, а сотовый я дома забыла. Представляешь, мы познакомились...

И хотела уже начать рассказывать, но Максим перебил:

– Но ты могла бы найти возможность! Найти в городе таксофон, у кого-нибудь попросить мобильник. Позвонить, всего два слова мне сказать: у нас все в порядке!..

– Но ты ведь утром с Маришкой говорил... – начала оправдываться я.

– А сейчас – глубокая ночь. Телефоны не отвечают. Вы в чужом доме, одни. До ближайшего жилья – черт знает сколько километров!

– Всего шесть, – усмехнулась я. – И разве не ты сам говорил, что здесь самое безопасное место в мире?

– Но у вас действительно все нормально?

– Максим, да что с тобой такое? Все замечательно у нас. Погода отличная, море теплое. Дом замечательный. Мы ведем размеренную, санаторную жизнь. Познакомились с милой женщиной – у нее в Агатополисе квартира. Вместе ужинали.

– А как Маришка?

– Нагулялась, накупалась. Сейчас смотрит мультики.

– Ну, отлично. – Он наконец начал оттаивать. Однако тревожные нотки из голоса не исчезли. – Но я все равно подумал: у нас с тобой пока есть возможность исправить эту глупость.

– Какую глупость?

– Что вы живете совсем одни. На отшибе. Ни охраны, ни присмотра.

– Да здесь охрана – президент позавидует! – хмыкнула я. – На участке и в доме видеокамер – штук сто, не меньше. Сирена, имитация собачьего лая. Плюс тревожная кнопка. При любой опасности сама сработает, передаст информацию в город, на полицейский пульт.

– А хозяйство? – гнул свое Максим. – Ты, наверно, устала? Не верю я, что дом все может сам делать.

– Ты удивишься, но это так. Мало, что убирает – даже коктейли готовит. Но вообще я не понимаю, – начала злиться я, – почему ты вдруг сейчас этот разговор завел? Когда мы уже здесь?! Или ты предлагаешь нам в пансионат переехать?!

– Ну при чем здесь пансионат, – сбавил тон Максим. – Я просто подумал: тебе нужно нанять помощницу. С проживанием. Пусть занимается хозяйством, за Маришкой присматривает. И ночами вы одни оставаться не будете. Я уже выяснил: в Болгарии достаточно надежных агентств по подбору домашнего персонала.

Что, право, за странная идея?!

– Максим, скажи правду. С чего ты вдруг взял, что за мной нужен присмотр? – усмехнулась я. – Приревновал, что ли?

– А уже есть к кому? – мгновенно отреагировал он.

Я решила его подразнить:

– Ну, я ведь в таком шикарном доме живу. Разумеется, местные мачо поглядывают.

– Но это действительно очень вызывающе выглядит! – горячо отозвался он. – Женщина с маленькой дочкой обитают вдвоем практически во дворце. Мало ли подлых людей?! Ворвутся ночью в дом, будут у тебя требовать деньги, ценности!

– Слушай, Максим, – я совсем растерялась, – но ведь этот особняк *ты* выбирал. Я как раз считала, что нам надо что-нибудь попроще, а ты настаивал. Что сейчас-то изменилось?

– Юна, – его голос потеплел, – я просто очень волнуюсь. За тебя и за дочь. Скажи мне честно: ничего тебя не тревожит?

– Да замечательно все! – искренне отозвалась я. – И Маришке очень нравится.

Вообще-то изначально я собиралась рассказать ему и про *странности* тоже. Про дочкину куклу, которую неведомо кто уложил в постель, про запах озона. Но стоит ли – раз человек и без того весь на нервах?

А уж о *черной женщине*, что жила здесь в прошлом году, тем более не поведаешь. Тогда Максим точно запаникует и перебросит нас в другое, безопасное и скучное место.

Однако мне вовсе не хотелось уезжать из чудесного дома. Да, что-то есть в нем мистическое. Непонятное... Но лично мне, одинокой женщине, очень приятно, когда кто-то, пусть даже бездушный механизм, предугадывает мои желания.

От болгарской домработницы я в итоге отбилась.

Но пришлось раз десять пообещать вести себя очень осторожно. И ночами обязательно ставить дом на охрану.

– Я люблю вас, мои красавицы, – произнес на прощание Максим.

– Я тоже тебя люблю, – машинально отозвалась я.

Положила трубку, задумалась.

Станный какой-то сегодня был мой Максим Петрович. Будто набедокурил, причем крупно. Когда мужик себя виноватым чувствует, женщина сразу улавливает. Но что он мог за пару дней нашего отсутствия натворить? Отправил меня на юг – и еще один роман закрутил?! Нет, вряд ли. Не потянет возрастной и не феноменально богатый Максимушка еще и *третью* женщину. Тут что-то другое. С чего, интересно, пошли разговоры, что в доме опасно, что за нами нужен присмотр? Максим Петрович вдруг – одновременно со мной – узнал про *черную женщину*? Или что в особняке еще какие-то ужасы происходили – и происходят?

Но он ведь нашел нашу виллу через серьезное, с хорошей репутацией, агентство. Неужели ему бы сдали жилье по-настоящему проблемное, криминальное?!

Да и взять историю с пресловутой женщиной в черном. Чего в ней настолько страшного? Никто ее не убивал, не пытал. И вообще, наиболее вероятно – несчастная просто была не в себе после гибели дочери. Если день, ночь, круглые сутки себя точить, даже самая здоровая психика не выдержит, мозг взорвется. Бедняга считала себя виновной. Вот подсознание ее и подтолкнуло: самой себе написать обвинение на экране. Технически это, наверное, возможно. К метеостанции должны прилагаться клавиатура или пульт управления. И отражения своего в зеркале она не видела, потому что считала, что заслуживает смерти.

А я, слава богу, никого не убивала, не предавала, и корить себя мне особо не за что.

Я только успела так подумать – и подскочила в своем уютном кресле-лежанке. Это я-то – не предавала?

А несчастная Максова жена – кого мы больше десяти лет обманываем?!

...Мы с Максимом очень редко говорили о его законной супруге. Лично я ее не видела – только на фотографии в загранпаспорте. (Я понимаю, что на официальных снимках все получается плохо, но Лариса вышла – просто за гранью.)

Информацию собирала по клочкам: на пять лет старше Максима. Никогда не работала, вела хозяйство, сидела с детьми. И ничего, похоже, не требовала – ездила на уродливом «Форде-Куга», даже на фитнес не ходила.

– Моя жена ни в чем не нуждается, – как-то обмолвился Максим.

«Бедная женщина», – тогда подумала я.

Максим и со мной-то (своей «любимочкой», «Юночкой», «лучшей в мире девочкой») иногда бывал резок. А однажды я подслушала, как он со своей законной супругой разговаривает: «Что ты за никчемное создание? Элементарный вопрос не можешь решить!»

И столько обидной снисходительности, почти презрения в голосе...

Хотя какая у нее была проблема, я тоже подслушала: один из близнецов болел ангиной с высоченной температурой, а второй упал, рассек лоб, нужно срочно ехать в травмпункт накладывать швы, и что ей делать, если нет ни няни, ни водителя?

– Зря ты на нее ругался. Я бы в такой ситуации вообще с ума сошла, – укорила Максима я.

И получила неподражаемый ответ:

– Но ты сама еще ребенок! А она – зрелая женщина.

Максим долгое время клялся, что его жена не ведает обо мне. При этом он носил в бумажнике фотографию Маришки, не запрещал мне пользоваться любимыми духами, не обследовал лихорадочно одежду: вдруг прилип мой волосок. А в его телефонной книге я значилась «Зайкой».

Однако незадолго до нашего отъезда на юг Максим – я вспомнила – сказал: его супруга – чрезвычайно злопамятная дама.

Может, жена Макса узнала, что я расслабляюсь на море? Да не в обычном отеле, а в царских хоромаш? И решила наконец устроить разборку? Потому Макс и тревожится.

Очень логично.

Однако звонить любовнику, допрашивать его прямо сейчас, совсем не хотелось. Подождем до завтра.

А пока я встала и еще раз удостоверилась, что дверь заперта, дом стоит на охране и все датчики движения включены.

* * *

Лариса краем глаза взглянула на безбрежную морскую синь и равнодушно отвернулась. Как людям не наскучивает подобный пейзаж? Еще специально за *видом* гоняются, доплачивают за него. Дураки!

Женщина вообще не понимала – что хорошего в пляжном отдыхе? Два дня она здесь, а ни малейшего желания не возникло даже подойти к воде, не то что купаться.

Лариса задернула шторы, чтобы блики не падали на монитор, и нетерпеливо забарабанила пальцами по столешнице.

Ну и задачку она себе задала!

Поначалу казалось: за полчаса все получится. Подумаешь, проблема – найти в *Сети* человека. Да еще известного.

Однако пошел третий день, трафика израсходовано страшное количество, с кем только ни общалась, за кого себя ни выдавала – а результат нулевой.

Неужели сложно отозваться? Ответить: «Беру тебя в команду. Жди указаний».

Ну, или, если нет, то «Пошла вон».

Обижаться она не будет. Просто тогда придется придумывать новый план.

Время тянулось мучительно. Убивать его было нечем. Единственное, что хотя бы минимально развлекало, – любимый компьютер. Не игрушки, разумеется, – сейчас не до них. Лариса изо всех сил демонстрировала *неведомому* все, что она умеет.

Хотя, скорее всего, он о ней и знать не хочет. А если даже видит – тут, в Сети, – все равно не снизойдет до контакта.

«Значит, буду пробовать сама», – решила она.

Но страшно, ох, страшно! Мало ей Макса в роли врага, теперь еще нового себе наживет, куда более серьезного.

«Пожалуйста, отзовись!» – гипнотизировала она лэптоп.

Но тот равнодушно мерцал заставкой и молчал.

* * *

Дом прилагал все силы, чтобы я провела приятную ночь. В комнате приятные плюс двадцать три – при этом кондиционер не шумит и ледяным потоком в шею не дует. Солнце сквозь плотные портьеры не пробивается. Уютно, тихо – словно в гнезде. Только отдаленный шум моря; пахнет свежестью, солью и почему-то арбузами. Непонятно, откуда приятные ароматы берутся – окна ведь закупорены?

Но спалось мне все равно плохо. Чудилось несколько раз, будто надо мной склоняется женщина в черном. Вроде та самая, что жила в особняке прошлым летом, но лицо у нее почему-то – жены Максима. Я вздрагивала, просыпалась. В миллионный раз корила себя, что связалась с женатым.

Проснувшись в итоге рано и с головной болью.

Едва я всунула ноги в тапки, «умная» ванна сразу начала наполняться водой (с пеной и ароматом лайма, как я люблю). Но я вручную закрыла кран и сразу поспешила в комнату к Маришке.

– Мамусик! – Дочка ракетой выпрыгнула из постели, голоногая, бросилась ко мне.

Мордаха веселая, подзагоревшая, глаза сияют. Требовательно накрутила прядь моих волос себе на пальчик:

– Мамусик, какая ты умница, что рано встала! Значит, мы успеем сходить на море!

Шторы в ее комнате уже были подняты, солнечный диск заглядывал лукаво в окно. И настроение мое тревожное мигом кануло вместе с тревогами ночи.

Я, в тон Маришке, отозвалась:

– Конечно, мы ходим на море! Или ты думаешь, что я, как Золушка, целый день буду у плиты стоять?

* * *

Маришка меня уговаривала отправиться за клубникой на водном мотоцикле:

– Рынок ведь у самого моря, подплывем, бросим якорь, все вообще обалдеет!

– А на обратном пути – клубнику подавим или утопим, – хмыкнула я. – Нет уж. Я позвоню Манолу и спрошу, можем ли мы поехать на машине.

– А тут есть машина? – удивилась дочка.

– Тут, оказывается, есть все, – вздохнула я.

...В гараж, если честно, заходила со страхом. Но экран метеостанции, встроенный в оконное стекло, встретил меня приветливой надписью: «Добрый день! Сейчас плюс 24 градуса, атмосферное давление в норме, дороги сухие. В вашей крови нет алкоголя, счастливого пути!»

И машинка оказалась будто специально для меня скроенной. Даже сиденья с зеркалами подстраивать не пришлось.

До рынка мы доехали быстро. Но рядом с ним оказались батут, аттракционы, множество ларечков с заколками, панамками, магнитиками. Маришка, разумеется, уговорила меня прокатиться с ней на цепочной карусели, пострелять в тире, купить ей соломенную шляпу, а потом и пообедать – в уличной кафешке, где жарили удивительно вкусные палачинки (то бишь блинчики).

В итоге возвращались мы домой в самую жару. Маришка побледнела, начала подкашливать, и я решительно отправила ее отдыхать.

Дочь направилась в свою комнату со столь послушным, ангельским видом, что я сразу поняла: спать, как обещала, она не собирается. Ну, пусть просто полежит в постели с книжечкой или даже планшетником – тоже польза.

А мне пора браться за коронное блюдо – клубничный пирог.

Однако, едва я отмерила два стакана муки для теста, на втором этаже тихонько скрипнула дверь. (Какой дом ни «умный», а дверные петли только человек смазать может.)

Интересно, куда моя принцесса направилась? Читать дочери морали я вовсе не собиралась – в конце концов, человеку восемь лет и спать днем в ее годы вовсе не обязательно. Но любопытно ведь! И я на цыпочках перескочила из кухни в мониторную комнату. (Маришка называла ее «Центром управления полетами».)

Я не спросила у Манолы, где конкретно в доме располагаются камеры и можно ли вообще наблюдать за *чьими-то передвижениями внутри*. Но сейчас убедилась: все имеется. И организовано очень просто, никаких кнопок нажимать не надо.

В данный момент светились лишь два экранчика: один давал картинку с лестничной площадки второго этажа, второй – дочкину спальню. И отчетливо было видно Маришку – она стояла на пороге своей комнаты и настороженно оглядывалась. Я еле удержалась, чтоб не фыркнуть. Шкодный вид, очень шкодный. Не надумала ли моя принцесса украдкой сбежать на пляж? Или, того паче, на свидание к Мите?

Однако нет: пошла Маруся вовсе не вниз – но осторожно, на цыпочках, по коридору, вдоль комнат второго этажа. Картинки на мониторе услужливо сменялись. Вот дочка минует мою любимую гостиную – капитанскую рубку. Дальше на ее пути оказалась пустая гостевая спальня. Маришка открыла дверь, вошла. Заглянула под кровать, приподняла ковер, открыла дверцу шкафа. Что она ищет?.. Комната – я тоже в нее заходила – нежилая. Шкаф пуст, кровать без белья – только покрывало сверху.

Дочка сердито тряхнула головой, снова вышла в коридор. Возле лестницы он расширлся, превращался почти в зал. И прямо здесь располагались несколько огромных, под потолок, книжных шкафов – они придавали дому чрезвычайно интеллигентный вид. Дочка надолго застряла у полок. Достала одну из книг.

Камера услужливо – сама – исполнила приближение.

«Остров сокровищ», – прочитала я на обложке. В восемь лет – самое то, что надо. Интересно, возьмет она Стивенсона с собой?

Но девочка быстро полистала страницы, сморщила нос – и вернула книгу на место.

А я вдруг устыдилась. Зачем за собственной-то дочкой шпионить? Ну, хочется ребенку побыть наедине с собой. Исследовать чудо-дом. Или она для Мити экскурсию готовит. Какая разница? Мое дело сейчас – пирог с клубникой.

Я вернулась на кухню.

Коронное блюдо требовало не только вдохновения, но и тщания. Отделишь неаккуратно желтки – и все, белок не взобьется. Плохо просеешь муку – вкус будет грубоват. Не до конца разотрешь масло с сахаром – станут попадаться неприятные комочки. А каких бед – это вам любая хозяйка подтвердит! – может натворить непривычная духовка!

Но в «умном доме» кухня оказалась напичкана столь невероятным количеством полезных гаджетов, что я себя не кухаркой ощущала, но творцом, шеф-поваром крутейшего ресторана.

Например, имелась в моем распоряжении специальная рыбка для разбивания яиц – она сама раскалывала скорлупу и лихо затягивала желток в пасть. А чего стоил миксер – чуть не с тысячей различных режимов и скоростей? Форма для пирога тоже оказалась не простая, а с датчиком: при малейшем намеке, что тесто *может* подгореть, обещался звуковой сигнал.

И даже хвостики у клубники выдергивать не пришлось: я обнаружила специальное устройство, которое так и называлось: «strawberry tails remover».

С тестом я справилась быстро. Перелила его из миски с функцией «антибрызги» в чудо-противень, антипригарный, с датчиками готовности. Поставила пока на рабочий стол. Рядом установила блюдо с клубникой. И только приготовилась украшать пирог, когда услышала Маришкин зов:

– Мам! Иди скорее сюда!

Голосок, мне показалось, встревоженный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.